

A close-up, profile view of a woman's face, looking upwards. Her hair is dark and curly. The background is a deep blue space filled with numerous small, bright stars. The lighting is dramatic, highlighting her features against the dark background.

БЕЗЫМЯННАЯ

ДЕВУШКА

САРА ПЕККАНЕН

ГРИР ХЕНДРИКС

*Пекканен и Хендрикс удалось
вывести формулу безупречного триллера.*
New York Times Book Review

Двойное дно: все не так, как кажется

Сара Пекканен

Безымянная девушка

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Пекканен С.

Безымянная девушка / С. Пекканен — «Издательство АСТ»,
2018 — (Двойное дно: все не так, как кажется)

ISBN 978-5-17-112248-5

Приглашаются женщины в возрасте от 18 до 32 лет для участия в исследовании нравственно-этических принципов. Щедрое вознаграждение и анонимность гарантируются. Отправляясь на исследование, Джессика полагала, что ей всего лишь придется ответить на несколько вопросов, а затем она сможет получить так нужные ей деньги и забыть об этом навсегда. Вопрос № 1: Могли бы вы солгать без зазрения совести? Но вопросы становятся все более и более личными и острыми – и постепенно Джессике начинает казаться, что доктор Шилдс знает все, что она думает, и все, что она пытается скрыть. Вопрос № 2: Когда-нибудь вам случалось наносить глубокую обиду тому, кто вам дорог? Вскоре Джессика перестает понимать, что в ее жизни реальность, а что – смоделированный психологический эксперимент. Насколько опасной может быть человеческая одержимость? Вопрос № 3: Наказание всегда должно быть соразмерно тяжести преступления? Новый пронзительный триллер от авторов бестселлера «Жена между нами» повествует о страсти, цене доверия и губительных глубинах человеческой души.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112248-5

© Пекканен С., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	52
Глава 14	55
Глава 15	57
Глава 16	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сара Пекканен, Грир Хендрикс

Безумная девушка

© Greer Hendricks, Sarah Pekkanen, 2018

© Новоселецкая И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть 1

Приглашаются женщины в возрасте от 18 до 32 лет для участия в исследовании нравственно-этических принципов, которое проводит известный нью-йоркский психиатр. Щедрое вознаграждение и анонимность гарантируются. Подробности по телефону.

Легко судить других. Мать, что орет на своего ребенка в магазине, катя тележку с упаковками сухих завтраков и печенья «Орео». Водителя за рулем дорогой машины, подрезавшего не столь быстрый автомобиль. Женщину, что громко смеется в мобильный телефон, сидя в тихом кафе. Мужа, изменяющего жене.

А если б вы знали, что орущая мать в тот день потеряла работу?

Что если водитель обещал сыну быть на школьном спектакле с его участием, а ему по настоянию начальника пришлось задержаться на совещании, которое было созвано в последний момент?

Что если женщине из кафе позвонил ее возлюбленный – мужчина, разбивший ей сердце?

Что если жена неверного мужа постоянно шарахается от его прикосновения?

У каждого из нас есть свои причины поступать так или эдак. Даже если мы скрываем эти причины от тех, кто, по их мнению, хорошо нас знает. Даже если эти причины погребены столь глубоко в нашем сознании, что мы сами их не можем распознать?

Глава 1

16 ноября, пятница

Многие женщины стремятся предстать перед окружающими в определенном образе. И я их преображаю, за сорок пять минут. Это моя работа.

По окончании сеанса мои клиентки – совсем другие женщины. Посвежевшие, более уверенные в себе. Пожалуй, даже более счастливые.

Но я могу предложить лишь временное преображение. Люди всегда возвращаются к своим основам.

Инструментов, которыми владею я, недостаточно, чтобы произвести подлинную перемену.

* * *

Пятница, без двадцати шесть вечера. Час пик. Зачастую именно в эту пору у кого-то возникает желание прихорошиться, соответственно, это время я обычно вычеркиваю из своего личного расписания.

Поезд метро прибывает на станцию «Астор-плейс», двери вагона раздвигаются, и я первой выхожу на платформу. Правая рука, в которой я несу тяжелый черный чемоданчик с принадлежностями для макияжа, как всегда, буквально отваливается к концу долгого рабочего дня.

Чтобы вместе с чемоданчиком протиснуться в узкий проход, руку со своей ношей я завожу за спину. Машинально, поскольку сегодня уже в пятый раз преодолеваю турникеты. Потом торопливо поднимаюсь по лестнице.

По выходе на улицу я достаю из кармана кожаной куртки мобильный телефон и проверяю в нем свое расписание, которое «БьютиБазз» обновляет как минимум раз в день. Я указываю часы, в которые могу работать, и мне присылают заказы.

Сегодня мой последний рабочий визит должен состояться в районе Восьмой авеню и Нью-Йоркского университета. Запланирован полуторачасовой сеанс, то есть мне предстоит обслужить двух клиенток. Мне известны адрес, фамилии и контактный телефон. Но я понятия не имею, кого увижу перед собой, когда постучу в дверь.

Правда, незнакомых людей я не боюсь. Опыт показывает, что остерегаться нужно знакомых: нередко они куда опаснее.

Я запоминаю точное местоположение нужного мне дома и затем направляюсь к нему, по пути обходя мусор, вывалившийся из переполненной урны. Прохожу мимо частного магазина, на окнах и дверях его владелец с громким лязгом и скрежетом опускает решетки. Миную трио студентов с рюкзаками на плечах, которые в шутку пихают друг друга.

За два квартала до дома, где живут мои клиентки, звонит мой телефон. На дисплее высвечивается номер мамы.

Я отвечаю не сразу – смотрю на маленькое круглое фото моей улыбающейся мамы.

Через пять дней я поеду домой на День благодарения и увижу ее, напоминаю я себе.

Но не ответить на звонок мамы я не могу.

Как всегда, я ощущаю тяжкий груз чувства вины.

– Привет, мам. Все хорошо? – спрашиваю я.

– Все замечательно, родная. Просто хотела услышать твой голос.

Я представляю ее в кухне дома на окраине Филадельфии, где я выросла. Она помешивает на плите подливку – они ужинают рано, и в пятницу меню всегда одно и то же – жареное мясо

с картофельным пюре, – потом откупоривает бутылочку «Зинфанделя», собираясь побаловать себя бокалом вина, который она неизменно выпивает вечером в выходные.

Маленькое окошко над раковиной занавешено желтыми шторами, на ручке духовки висит кухонное полотенце с изображением скалки, на которой написано: «Катай и радуйся». Цветастые обои в некоторых местах отходят по швам; в нижней части холодильника вмятина: отец пнул с досады, когда «Орлы»¹ проиграли в решающем матче.

Он у меня страховой агент, и к его возвращению домой с работы ужин будет готов. Мама чмокнет его в щеку. Они позовут к столу мою сестру Бекки, помогут ей нарезать мясо.

– Сегодня утром Бекки сама застегнула молнию на куртке, – сообщает мама. – Без посторонней помощи.

Бекки на шесть лет моложе меня, ей двадцать два.

– Фантастика, – комментирую я.

Порой я жалею, что живу далеко от отчего дома и не имею возможности помогать родителям. А иногда я думаю об этом с облегчением, и мне ужасно стыдно за себя.

– Послушай, давай я позже перезвоню? – продолжаю я. – На работу бегу.

– О, тебя наняли еще на одно шоу? – мгновенно оживает мама.

Я медлю с ответом.

Я не могу сказать ей правду и потому выпаливаю:

– Да, только это небольшая постановка. Скорее всего, даже не получит освещения в прессе. Но грим там довольно сложный, нешаблонный.

– Я горжусь тобой, – говорит мама. – Жду не дождусь, когда услышу обо всем на следующей неделе.

Она хочет, я чувствую, еще что-то добавить, но я завершаю разговор, хоть еще и не прибыла на место – в студгородок Нью-Йоркского университета.

– Поцелуй за меня Бекки. Я люблю вас.

* * *

Для себя я установила определенные правила, которым начинаю следовать еще до того, как непосредственно приступаю к работе.

Своих клиентов я оцениваю с первой секунды встречи – отмечаю, что брови будут смотреться лучше, если их сделать темнее, а нос с помощью разных оттенков пудры нужно подкорректировать, чтобы визуально он казался тоньше, – но я знаю, что и клиенты оценивают меня.

Первое правило: форма одежды. На работу я хожу во всем черном, что избавляет меня от необходимости каждое утро компоновать новый наряд. К тому же черный цвет придает мне более авторитетный вид. Я выбираю удобную одежду из комфортных тканей, которые годны для машинной стирки и в семь часов вечера выглядят столь же опрятно, как и в семь часов утра.

Поскольку личное пространство исчезает, когда я колдую над лицом клиентки, мои ногти всегда коротко пострижены и закруглены, дыхание мятное, волнистые волосы собраны на затылке в нетугой пучок. Я никогда не отступаю от этого стандарта.

Я обрабатываю руки антисептическим гелем «Germ-X», сую в рот мятный леденец и звоню в квартиру № 6D. За пять минут до начала сеанса. Это еще одно правило.

На лифте я поднимаюсь на шестой этаж и иду по коридору на звук громкой музыки – песни «Рев» в исполнении Кэти Перри. Иду на встречу с клиентками. На одной – банный халат, на второй – футболка и шортики. Мой нос улавливает признаки их недавних косметических

¹ Имеется в виду команда Филадельфии (штат Пенсильвания, США) по американскому футболу – «Филадельфия Иглз» (Philadelphia Eagles – «Филадельфийские орлы»).

манипуляций – запахи краски для мелирования волос девушки по имени Мэнди и лака, сохнущего на ногтях помахивающей руками Тейлор.

– Куда собираетесь? – спрашиваю я.

На вечеринке освещение наверняка будет более ярким, чем в клубе; а для романтического ужина требуется более мягкий макияж.

– В «Светильник».

Заметив мой непонимающий взгляд, она добавляет:

– Это в районе мясников². Дрейк была там вчера вечером.

– Круто, – комментирую я.

Мой взгляд скользит по разбросанным на полу вещам – зонтику, скомканному серому свитеру, рюкзаку, – потом на низком столике я сдвигаю в сторону упаковки из-под попкорна и полупустые банки «Ред Булл» и ставлю на него свой саквояж. Расстегиваю его. Бока раздвигаются, как гармошка, появляются поддоны с косметикой и кисточками.

– Какой образ предпочитаете?

Некоторые визажисты жадничают, стараясь за день обслужить как можно больше клиентов. Я же в своем расписании выделяю время на то, чтобы задать кое-какие вопросы. Одна женщина хочет дымчатый макияж глаз и естественные губы, другая воображает себя с алым ртом и чуть тронутыми тушью ресницами. Тратя несколько минут на разговоры в начале встречи, я существенно экономлю свое рабочее время.

Но я также доверяю собственному чутью и своим наблюдениям. Когда эти девушки говорят, что они хотят выглядеть сексуально, в пляжном стиле, я понимаю, что на самом деле их привлекает образ Джиджи Хадид: ее фото – на обложке журнала, что валяется на диванчике.

– Какая у вас специализация в университете? – любопытую я.

– Коммуникативные системы. Обе хотим заниматься рекламой, – голос у Мэнди скучный, словно ей надоело докладывать назойливым взрослым теткам, кем она мечтает стать, когда вырастет.

– Интересно, – говорю я, ставя стул с прямой спинкой на самое яркое место в комнате, прямо под потолочный светильник.

Начинаю с Тейлор. За сорок пять минут я должна создать образ, который она желает увидеть в зеркале.

– У вас потрясающая кожа, – отмечаю я. Еще одно правило: найти во внешности клиентки достоинство, заслуживающее похвалы. В случае Тейлор это не представляет труда.

– Спасибо, – благодарит она, не поднимая глаз от телефона. И принимается комментировать фотографии, которые видит в ленте «Инстаграма». – Кто еще не посмотрелся на фотографии маффинов?

– У Жюль и Брайана снова любовь. Фу...

– Романтический закат, ну-ну... рада, что ты так обалденно проводишь пятничный вечер на своем балконе.

Работая, я постепенно отвлекаюсь от болтовни девушек, которую я теперь воспринимаю как отдаленный шум – вроде жужжания фена или гула городского транспорта. Мое внимание сосредоточено на лице клиентки: на область подбородка я наношу разные оттенки основы, чтобы подобрать тон, идеально соответствующий цвету ее кожи; смешиваю медный и песочный пигменты, оттеняющие золотистые крапинки в ее глазах; растушевываю на щеках бронзер...

Звонит ее мобильный.

Тейлор перестает набивать на дисплее сердечки и вытягивает телефон в руке.

² Meatpacking district (букв. «Мясоразделочный квартал») – исторический район на западе Нижнего Манхэттена, по площади занимает несколько кварталов. Начал развиваться в XIX в. Раньше здесь было сконцентрировано много скотобоен и мясоразделочных цехов, мясных лавок и фермерских рынков. Ныне это увеселительный район с множеством кафе, ресторанов, ночных клубов, художественных галерей и дорогих бутиков-отелей.

– Засекреченный номер. Ответить?

– Конечно! – восклицает Мэнди. – Вдруг это Джастин.

Тейлор морщит носик.

– Вот скажи, кто отвечает на звонки в пятницу вечером? Пусть сообщение оставляет.

Несколько мгновений спустя она все же нажимает клавишу «громкой связи», и комнату заполняет мужской голос.

– Это Бен Куик, ассистент преподавателя-психиатра. Я подтверждаю, что доктор Шилдс ждет вас на прием в эти выходные: завтра и в воскресенье с восьми до десяти утра. Место встречи то же: Хантер-Холл, комната 214. Я встречу вас в вестибюле и провожу до кабинета.

Тейлор закатывает глаза, и я спешу отвести руку с тушью для ресниц.

– Пожалуйста, сидите спокойно, – прошу я.

– Простите. Мэнди, и чем только я думала? Завтра утром я ведь даже глаза не смогу продрать от похмелья.

– Так забей.

– Ага. На пятьсот баксов? Это ж целых два свитера «Rag & Bone».

При этих словах я на мгновение отвлекаюсь: пятьсот долларов я зарабатываю за десять сеансов.

– Уфф. Забудь. Черта с два я поставлю будильник на ранний час ради какого-то тупого тестирования, – принимает решение Тейлор.

«Красиво живут», – думаю я, глядя на скомканный свитер в углу.

Потом, поддавшись любопытству, спрашиваю:

– Тестирование?

Тейлор пожимает плечами.

– Один преподаватель психологии проводит исследование и набирает для тестирования студентов.

Интересно, что там за вопросы? Как в типологическом тесте Майерс-Бриггс?

Я на шаг отступаю назад и внимательно смотрю на лицо Тейлор. Классическая красавица, с завидной костной структурой лица. Мне на него потребовалось куда меньше сорока пяти минут.

– Вы собираетесь веселиться допоздна, поэтому я сначала обведу ваши губы контуром, а потом нанесу блеск, – говорю я. – Так они дольше не потеряют цвет.

Я достаю свой любимый блеск для губ, с логотипом «БьютиБазз» на тюбике, и наношу его на полные губы Тейлор. После она встает и в сопровождении Мэнди удаляется в ванную, чтобы посмотреть в зеркало.

– Вот это да! – слышу я восклицание Тейлор. – Она настоящая профи. Давай сделаем селфи.

– Сначала мне нужно сделать макияж!

Я начинаю убирать косметику, которую использовала для Тейлор, а сама уже размышляю, что мне понадобится для Мэнди. И вдруг замечаю на стуле телефон Тейлор.

В свой «обалденный» вечер пятницы мне предстоит выгулять моего песика Лео, нечистокровного терьера, и отмыть кисти для макияжа, – после того как я на автобусе доберусь до дома, до своей крошечной квартиры-студии в Нижнем Ист-Сайде. Я до того измотана, что, наверно, буду уже спать к тому времени, когда Тейлор с Мэнди закажут в клубе свои первые коктейли.

Я снова смотрю на телефон.

Оглядываюсь на ванную. Дверь приоткрыта.

Готова поспорить, Тейлор даже не удосужится позвонить, чтобы отменить прием.

– Нужно купить такой же хайлайтер, как у нее, – говорит Тейлор.

Пятьсот долларов – это половина месячной платы за мою квартиру.

Расписание на завтра мне известно. Первый рабочий визит начнется не раньше полудня.

– Я попрошу, чтобы она сделала мне более выразительные глаза, – говорит Мэнди. – Интересно, у нее есть накладные ресницы?

Хантер-Холл, с восьми до десяти. Это я запомнила. А вот как зовут доктора и его ассистента?

Не то чтобы я решила туда пойти... Я смотрю на телефон, и вот он уже в моей руке. Еще и минуты не прошло, автоматическая блокировка не сработала. Однако мне нужно видеть дисплей, чтобы открыть голосовые сообщения, а это значит, что я должна отвести глаза от двери.

Я нахожу в телефоне последнее сообщение, прижимаю аппарат к уху.

Дверь ванной начинает открываться, в проеме показывается Мэнди. Я резко оборачиваюсь, сердце едва не выскакивает из груди. Мне не удастся незаметно положить телефон на место.

Бен Куик.

Объясню Тейлор, что телефон упал со стула и я его подняла, лихорадочно соображаю я.

– Стой, Мэнд!

Доктор Шилдс... С восьми до десяти утра...

– Может, попросить ее, чтоб попробовала накрасить мне губы потемнее?

Ну же, давай, подгоняю я телефон, – чтобы быстрее проигрывал сообщение.

Хантер-Холл, комната 214.

– Может быть, – соглашается Мэнди.

Я встречу вас в вес...

Я прерываю сообщение и роняю телефон на стул в ту самую секунду, как Тейлор делает свой первый шаг в комнату.

Она положила телефон экраном вверх или вниз? Пока я пытаюсь вспомнить, Тейлор уже стоит возле меня.

Она смотрит на телефон, и у меня сжимаются все внутренности. Я перепутала. Теперь мне припомнилось, что телефон лежал на стуле экраном вверх. Я неправильно его положила.

Я сглатываю комок в горле, пытаюсь придумать, что сказать в свое оправдание.

– Послушайте, – обращается ко мне Тейлор.

Я медленно поднимаю веки, встречаясь с ней взглядом.

– Мне нравится. Но, может, вы попробуете наложить блеск более темного оттенка?

Она снова плюхается на стул, и я медленно выдыхаю.

Я дважды переделываю ей макияж губ – первый раз накладываю вишневый блеск, затем возвращаюсь к первоначальному варианту. При этом мне приходится левой рукой поддерживать правый локоть, чтобы дрожащие пальцы не смазали контур. К тому времени, когда я наношу завершающий штрих, пульс мой уже выровнялся.

Наконец работа выполнена, я ухожу от клиенток – без чаевых, довольствуясь одним лишь их рассеянным «спасибо». Однако решение уже принято.

Я ставлю будильник в телефоне на 7:15 утра.

* * *

17 ноября, суббота

На следующее утро я тщательно анализирую свой план.

Порой одно импульсивное решение может перевернуть всю твою жизнь.

Я не хочу, чтобы это случилось еще раз.

Я жду перед Хантер-Холлом, всматриваясь в ту сторону, где живет Тейлор. Погода облачная, пасмурная, на улице серо, и на мгновение я принимаю за нее другую молодую женщину, которая бежит на меня. Но нет, это просто какая-то девушка совершает утреннюю пробежку. В пять минут девятого, когда становится ясно, что Тейлор, по-видимому, еще спит, я вхожу в вестибюль, где мужчина в брюках песочного цвета и синей сорочке нетерпеливо поглядывает на часы.

– Простите, опоздала! – окликаю я его.

– Тейлор? – уточняет он. – Бен Куик.

Я верно предположила, что Тейлор не удосужится позвонить и отменить встречу.

– Тейлор приболела и попросила, чтобы я пришла вместо нее и ответила на вопросы. Меня зовут Джессика, Джессика Фаррис.

– О, – моргает Бен, затем окидывает меня пытливым оценивающим взглядом.

Вместо ботильонов я надела высокие кеды «Конверс», на одном плече у меня висит черный нейлоновый рюкзак. Я прикинула, что мне не повредит, если я буду выглядеть как студентка.

– Подождите минутку, пожалуйста, – наконец произносит Бен. – Я должен согласовать это с начальством. Руководитель проекта – доктор Шилдс.

– Конечно. – Я говорю скучающим голосом, подражая Тейлор.

В худшем случае, напоминаю я себе, мне просто дадут от ворот поворот. Подумаешь! Схвачу бублик, да и отправлюсь с Лео на долгую прогулку.

Бен отходит в сторону, достает свой мобильный телефон. Я силюсь услышать, что он говорит, но Бен приглушает голос.

Потом он возвращается ко мне.

– Сколько вам лет?

– Двадцать восемь, – честно отвечаю я.

Украдкой бросаю взгляд на вход – проверяю, не появилась ли все-таки Тейлор.

– В настоящее время вы живете в Нью-Йорке? – спрашивает Бен.

Я киваю.

Еще пара вопросов.

– Где еще вы жили? Где-нибудь за пределами Штатов?

Я качаю головой.

– Только в Пенсильвании. Я там выросла.

– Хорошо, – Бен убирает телефон. – Доктор Шилдс дает согласие на ваше участие в эксперименте. Для начала мне нужны некоторые ваши личные данные: полное имя, адрес и номер социального страхования. Вы можете предъявить документ, удостоверяющий вашу личность?

Я снимаю рюкзак с плеча, роюсь в нем, нахожу свой бумажник. Потом вручаю ему свои водительские права.

Бен фотографирует их, затем записывает остальную информацию.

– Если у вас есть счет, деньги я перечислю на него завтра же по завершении сеанса.

– Счет у меня есть, – подтверждаю я. – Тейлор сказала, пятьсот долларов, так?

Бен кивает.

– Как только доктор Шилдс получит от меня эти сведения, я провожу вас наверх, в аудиторию.

Неужели это так просто?

Глава 2

17 ноября, суббота

Вы не тот респондент, которого мы ждали сегодня утром.

Тем не менее, вы соответствуете демографическим критериям, установленным для данного исследования, да и не хотелось бы, чтобы время зря пропало, поэтому мой ассистент Бен ведет вас в комнату № 214. Помещение, в котором проходит эксперимент, просторное, прямоугольной формы, с окнами на восточной стороне. Три ряда столов и стульев, на полу поблескивает линолеум. В передней части комнаты – электронная доска с пустым экраном. На задней стене под самым потолком – старомодные круглые часы. Обычная аудитория. Такие есть в любом колледже в любом городе.

С одним отличием. Здесь вы абсолютно одна.

Эта аудитория выбрана для эксперимента потому, что здесь мало отвлекающих факторов, вследствие чего вам будет легче сосредоточиться на стоящей перед вами задаче.

Бен объясняет, что инструкции будут появляться на стоящем перед вами компьютере. И закрывает дверь.

В помещении тишина.

Ноутбук ждет на одном из столов в первом ряду. Он уже открыт. Вы идете к нему, и ваши шаги эхом разносятся по большой комнате.

Вы опускаетесь на стул, придвигаетесь к столу, скрежеща металлической ножкой по линолеуму.

На экране – сообщение:

Респондент 52: Доктор Шилдс благодарит вас за участие в исследовательском проекте, посвященном анализу нравственно-этических принципов. Соглашаясь участвовать в нем, вы принимаете условия конфиденциальности. Вы ни с кем не должны это обсуждать.

Ответы не могут быть верными или неверными. Главное – вы должны быть откровенны и отвечать первое, что вам придет на ум. Объяснения должны быть обстоятельными. Вам не будет позволено перейти к следующему вопросу, пока вы полностью не ответите на текущий вопрос.

За пять минут до истечения ваших двух часов вы получите уведомление о скором завершении сеанса.

Когда будете готовы приступить к тестированию, нажмите клавишу «Enter».

Вы имеете представление о том, чего ждать?

Вы подносите палец к клавише «Enter», но не прикасаетесь к ней: ваша рука зависает над клавиатурой. Вы не одиноки в своих сомнениях. До вас некоторые из респондентов тоже в той или иной степени проявляли нерешительность.

Страшно изведывать грани собственного «я», существование которых вам не хочется признавать.

Наконец вы нажимаете на клавишу.

Ждете, глядя на мерцающий курсор. Ваши ореховые глаза широко раскрыты.

На экране появляется первый вопрос, и вы вздрагиваете.

Наверно, вам немного не по себе, оттого что кто-то пытается прощупать вашу душу в столь голой обстановке, не объясняя, почему эта информация столь ценна. Человеку свойственно чураться всего, что порождает чувство уязвимости, но чтобы эксперимент удался, вам необходимо полностью подчиниться данному процессу.

Помните правила: будьте искренни и правдивы, не стремитесь увернуться от чувства смущения или боли, что вызывают эти вопросы.

Если уже первый вопрос – относительно невинный – выбивает вас из колеи, значит, возможно, вы одна из тех женщин, которые отказываются от участия в эксперименте. Некоторые респонденты не возвращаются. Не любая способна осилить данный тест.

Вы продолжаете смотреть на вопрос.

Может быть, инстинкт вам подсказывает, что лучше сразу встать и уйти, даже не попробовав.

Что ж, вы будете не первой и не последней.

Но вы снова подносите руки к клавиатуре и начинаете печатать.

Глава 3

17 ноября, суббота

В аудитории неестественно тихо. Я смотрю на экран ноутбука, и меня одолевает тревога. В инструкции говорится, что ответы не могут быть неверными, но ведь, отвечая на вопросы теста, исследующего аспекты нравственности, я слишком много выдаю о себе.

В комнате холодно. Наверно, специально, предполагаю я, чтобы держать респондента в тонусе. Я почти слышу фантомные шумы – шелест страниц, глухие шаги, возню и шутки студентов.

Указательным пальцем я давлу на клавишу возврата и жду первого вопроса.

Могли бы вы солгать без зазрения совести?

Я отшатываюсь от экрана.

Не на это я рассчитывала, когда Тейлор небрежно отмахнулась от тестирования. Мне и в голову не пришло, что меня попросят писать о себе; почему-то я решила, что это будет тест на выбор ответов из нескольких предложенных вариантов или в форме «да»/«нет». А мне задали слишком личный вопрос, словно доктор Шилдс уже немало знает обо мне, словно ему известно, что я солгала по поводу Тейлор. Меня это приводит в смятение.

Я мысленно встряхиваюсь, ставлю пальцы на клавиатуру.

Существует много типов лжи. Есть пассивная ложь вроде обычной недомолвки, а есть активная, переворачивающая жизнь, о которой я знаю не понаслышке. Но я выбираю безопасный вариант.

Конечно, печатаю я. По роду занятий я – визажист, но не из тех, о ком пишут в журналах и газетах. Я не работаю с моделями или кинозвездами. Мои клиенты – обительницы Верхнего Ист-Сайда: подростки, собирающиеся на выпускной, и их мамы, посещающие престижные благотворительные мероприятия. Я также обслуживаю свадьбы и торжества по случаю бат-мицвы. Поэтому, конечно, я запросто могу сказать нервничавшей матери, что она выглядит очень молодо, или застенчивой 16-летней девочке, что я даже не заметила ее прыщей. Не в последнюю очередь потому, что надеюсь своей лестью раскрутить их на щедрые чаевые.

Я отсылаю сообщение, не зная, устроит ли профессора мой ответ. Но, видимо, мои откровения его удовлетворили, потому что на экране быстро высвечивается второй вопрос.

Опишите случай из своей жизни, когда вы решились на обман.

Не слабо. Откуда такая уверенность?

С другой стороны, наверно, каждый человек хоть раз в жизни да солгал, хотя бы в детстве, играя в «Монополию». Я пару секунд раздумываю, затем пишу: *В четвертом классе я схитрила на контрольной. Салли Дженкинс слыла самой грамотной в классе, и когда я, подняв голову, сидела и жевала розовый ластик на кончике карандаша, пытаюсь вспомнить, одна или две буквы «п» в слове «аппетит», мой взгляд упал на ее тетрадь.*

Оказалось, что две. Я написала слово и про себя поблагодарила Салли, получив за контрольную «пять».

Я отсылаю ответ.

Странно, что мне так живо вспомнился именно этот случай, ведь о Салли я уже и думать забыла. Мы вместе окончили школу, но я давно не была на встречах одноклассников и понятия не имею, как сложилась ее судьба. Наверно, у нее двое или трое детей, работа в режиме неполной занятости, дом неподалеку от родителей. Так теперь живут многие девчонки, с которыми я выросла.

Следующий вопрос еще не материализовался. Я снова нажимаю клавишу возврата. Ничего.

Может, сбой в программе? Только я собралась встать и выглянуть в коридор – нет ли поблизости Бена? – на экране начинают появляться буквы, одна за другой.

Словно кто-то печатает в реальном времени.

Респондент 52, отнеситесь к заданию более ответственно.

Невольно содрогнувшись, я озираюсь по сторонам. Жалюзи из тонкого пластика на окнах подняты, но снаружи под тусклым хмурым небом никого. Газон и тротуар безлюдны. Напротив высится здание, однако трудно определить, есть ли в нем кто-нибудь.

Умом я понимаю, что в аудитории я абсолютно одна. Но ощущение такое, будто кто-то стоит рядом и нашептывает.

Я снова смотрю на экран ноутбука. Пришло еще одно сообщение:

Вы действительно написали то, о чем инстинктивно подумали в первую секунду?

Я чуть рот не открываю от изумления. Как доктор Шилдс догадался?

Я резко отодвигаюсь на стуле от стола и начинаю вставать. Потом до меня доходит: вероятно, он заметил, что я немного помедлила перед тем, как принялась печатать. Доктор Шилдс понял, что я отвергла свою первую мысль и остановила выбор на более осторожном ответе. Я снова придвигаюсь на стуле к компьютеру и протяжно выдыхаю.

На экране появляется очередное указание:

Глубже загляните в себя.

Не может быть, чтобы доктор Шилдс знал, о чем я думаю, убеждаю я себя. Это пустая аудитория на меня так действует. Я не чувствовала бы себя так чудно, будь вокруг меня люди.

После короткой паузы на экране снова высвечивается второй вопрос:

Опишите случай из своей жизни, когда вы решились на обман.

Ладно, думаю я. Вам нужна неприглядная правда о моей жизни? Что ж, копну чуть глубже.

Если вы просто участвуете в обмане, это тоже расценивается как обман? – спрашиваю я.

И жду ответа. Но движение на экране создает лишь мигающий курсор. Я продолжаю печатать:

Иногда я зависаю с парнями, которых знаю не очень хорошо. Или, вернее, которых не хочу очень хорошо знать.

Ноль эмоций. Я продолжаю:

Благодаря своей профессиональной деятельности я научилась оценивать людей с первой минуты встречи. Но вне работы я умышленно теряю концентрацию, особенно после пары бокальчиков спиртного.

Несколько месяцев назад я познакомилась с одним басистом. Пришла к нему домой. По всем признакам в квартире с ним жила женищина, но спрашивать об этом я не стала. Сказала себе, что это просто соседка по квартире. Может, зря я надела шоры?

Я отсылаю ответ, а сама думаю, как профессор воспримет мое признание. Моей лучшей подруге Лиззи кое-что известно о моих одноразовых свиданиях, но я так и не сказала ей про флакончики духов и розовую бритву, что видела в ванной в тот вечер. И про то, как часто у меня случаются такие свидания. Наверно, не хочу, чтобы она меня осуждала.

Буква за буквой на экране компьютера складывается короткая фраза:

Уже лучше.

Я довольна, что мне удается подстраиваться под требования анкетера.

Но радость моя мимолетна, потому как в следующую секунду я осознаю, что рассказываю об интимной стороне своей жизни совершенно чужому, незнакомому человеку. Бен, в строгой

сорочке, в очках со стеклами в роговой оправе, показался мне профессионалом. Но что мне известно о самом психиатре и его исследовании?

Не исключено, что «морально-этические принципы» в названии теста – это просто слова. На самом деле, это может быть что угодно.

Откуда мне знать, что этот человек действительно преподает психиатрию в Нью-Йоркском университете? Тейлор, на первый взгляд, не из тех людей, кто стал бы выяснять подробности. Она просто красивая молодая женщина, и, возможно, поэтому ее и пригласили.

Пока я решаю, как мне поступить, на экране всплывает следующий вопрос:

Отменили бы вы встречу с кем-то из друзей ради более выгодного предложения?

Напряжение уходит из моих плеч. Кажется, что это совершенно безобидный вопрос, который могла бы задать мне Лиззи, спрашивая совета.

Если б доктор Шилдс замыслил нечто гнусное, зачем бы он стал проводить тестирование в университетской аудитории? К тому же он не спрашивал меня про мои сексуальные связи, напоминаю я себе. Я сама с ним разоткровенничалась.

Я отвечаю на вопрос: *Конечно, потому что работа у меня не постоянная. Бывает, я неделями загружена по горло, обслуживаю по семь-восемь клиентов в день, бегая по всему Манхэттену. А за следующие несколько дней – всего пара заказов. Отказываться от работы – не мой вариант.*

Я уже хочу отослать ответ, но тут понимаю, что доктора Шилдса не удовлетворит то, что я написала. Выполняя его требования, я даю развернутое объяснение:

Работать я пошла в пятнадцать лет – устроилась в кафе-бутербродную. В колледже проучилась всего два года, потом бросила – не хватало денег на учебу: даже при финансовой поддержке я была вынуждена три раза в неделю подрабатывать официанткой и брать студенческие ссуды. Мне не нравилось, что я постоянно в долгах. Что я постоянно со страхом сую карту в банкомат, ожидая увидеть на чеке отрицательный баланс. Что, уходя домой с работы, я стараюсь украдкой прихватить с собой сэндвич...

Теперь я преуспеваю чуть лучше. Но у меня нет финансовой подушки, как у моей близкой подруги Лиззи. Родители ежемесячно присылают ей чек. А мои сами еле сводят концы с концами, тем более что у моей сестры особые потребности. Поэтому, да, порой мне приходится разочаровывать кого-то из друзей и отказываться от запланированного похода в кино или в бар. Я должна заботиться о своем финансовом положении. Потому что рассчитывать я могу только на себя.

Я смотрю на последнюю строчку.

Не слишком ли плаксиво? Надеюсь, доктор Шилдс поймет, что я пытаюсь до него донести: проблемы есть у всех, и в этом смысле моя жизнь – не идеал. Но могло быть и хуже.

Я не привыкла выставлять на обозрение всю подноготную о себе. Писать о сокровенных мыслях – все равно что смыть косметику и увидеть голое лицо.

Я отвечаю еще на несколько вопросов, в том числе и на такой: *Стали бы вы читать SMS-сообщения, адресованные вашему супругу или партнеру?*

Если б я подозревала его в измене, непременно, печатаю я. Хотя замужем я никогда не была и в гражданском браке тоже ни с кем не жила. У меня были полусерьезные отношения с двумя парнями, но они не давали мне повода усомниться в их верности.

К тому времени, когда я заканчиваю отвечать на шестой вопрос, чувствую я себя уже совершенно не так, как в первые минуты тестирования. Я возбуждена, будто выпила лишнюю чашку кофе, но больше не нервничаю и не волнуюсь. Я предельно сосредоточена. И совершенно потеряла счет времени. Сколько я уже в этой аудитории: сорок пять минут, полтора часа?..

Только я закончила писать о том, в чем никогда не решусь признаться родителям, – что я втайне оплачиваю некоторые расходы на лечение Бекки, – на экране возникает очередная запись:

Должно быть, вам нелегко.

Я прочитываю сообщение второй раз, медленнее. Как ни странно, добрые слова доктора Шилдса даруют мне утешение.

Я откидываюсь на спинку стула, чувствуя между лопатками холод вдавившегося металла, и пытаюсь представить внешность доктора Шилдса. В моем воображении это седобородый мужчина плотного телосложения. Вдумчивый, чуткий. Наверно, он все это уже читал. И не осуждает меня.

Нелегко, думаю я, быстро моргнув несколько раз.

И печатаю: *Спасибо.*

Прежде никто никогда не стремился узнать обо мне так много; большинство довольствуется учтивой болтовней, которую не жалуется доктор Шилдс.

Возможно, тайны, что я храню, куда более весомые, потому что, исповедуясь перед доктором Шилдсом, я будто сбрасываю с себя тяжесть.

Ожидая следующего вопроса, я подаюсь чуть вперед и сижу, покручивая на указательном пальце серебряное тройное колечко.

Секунды идут, вопроса нет. Предыдущие появлялись быстрее.

Но вот наконец очередной вопрос:

Когда-нибудь вам случалось наносить глубокую обиду тому, кто вам дорог?

Я едва не ахаю.

Дважды перечитываю вопрос. Невольно бросаю взгляд на дверь, хотя знаю, что никто не подглядывает за мной через стекло в ее верхней части.

Пятьсот долларов, думаю я. Мне уже не кажется, что это легкие деньги.

Я не хочу мешкать слишком долго. Доктор Шилдс поймет, что я пытаюсь уйти от честного ответа.

К сожалению, да, печатаю я, надеясь выиграть время. Накручиваю на палец одну из своих волнистых прядей, затем продолжаю: Впервые приехав в Нью-Йорк, я познакомилась с одним парнем, который мне понравился. Одна моя подруга тоже была в него влюблена. И он пригласил меня на свидание...

Я останавливаюсь. Рассказать тот случай – раз плюнуть. Это не то, что желает знать доктор Шилдс.

Буква за буквой я медленно стираю напечатанное.

До сей минуты я была честна, выполняя условия, на которые согласилась перед тестированием. Но теперь подумываю о том, чтобы лукавить.

Доктор Шилдс, наверно, поймет, что я сочиняю.

Вот интересно... А что будет, если я скажу правду?

Порой мне кажется, что я причиняю боль всем, кого когда-либо любила и люблю.

Мне страсть как хочется это напечатать – аж руки чешутся. Я представляю, как доктор Шилдс сочувственно кивает, предлагая мне продолжать. Если б я рассказала ему о том, что я совершила, возможно, он опять написал бы что-нибудь подбадривающее.

У меня сжимается горло. Я провожу рукой по глазам.

Если б у меня хватило смелости, я принялась бы объяснять доктору Шилдсу, что летом, пока родители были на работе, Бекки находилась на моем попечении, что я уже в тринадцать лет была вполне ответственным человеком. Бекки порой меня жутко раздражала – вечно врывалась ко мне в комнату, когда у меня были друзья, брала мои вещи, пыталась всюду следовать за мной по пятам, – но я ее любила.

Люблю, поправляюсь я. И сейчас люблю.

Просто мне больно быть рядом с нею.

Я все еще не написала ни слова. Стук в дверь. Бен предупреждает меня, что осталось пять минут.

Я поднимаю руки и медленно печатаю: *Да, и я готова отдать что угодно, лишь бы загладить свою вину.*

Не раздумывая, я отправляю это сообщение.

Смотрю на экран компьютера, но доктор Шилдс ничего не пишет в ответ.

Курсор пульсирует, как сердце, – завораживающее зрелище. Я ощущаю резь в глазах.

Если доктор Шилдс сейчас что-нибудь напечатает – если попросит продолжать, скажет, что я могу задержаться сверх отведенного мне времени, – я останусь. Выплесну из себя все; расскажу ему все начистоту.

У меня учащается дыхание.

Будто я стою на краю скалы и жду сигнала, чтобы прыгнуть вниз.

Я неотрывно смотрю в компьютер, зная, что у меня в запасе всего одна минута.

На экране по-прежнему пусто, только курсор трепещет. В такт его мерцанию в моем сознании внезапно начинает пульсировать: *Расскажи. Расскажи.*

Когда Бен открывает дверь, мне стоит больших трудов отвести глаза от экрана и кивнуть ему.

Оборачиваясь, я медленно стягиваю со спинки стула куртку, беру рюкзак. Напоследок бросаю взгляд в компьютер, но экран по-прежнему пуст.

В ту же минуту как я встаю, меня захлестывает волна усталости. Я абсолютно выхолощена. Ноги свинцовые, в голове туман. Мне хочется одного – прийти домой и залезть под одеяло вместе с Лео.

Бен ждет у выхода, глядя в «Айпад». Я замечаю на дисплее имя Тейлор, под ним – еще три женские фамилии. И у каждой свои секреты. Интересно, станут ли они их раскрывать?

– Завтра в восемь жду вас здесь в вестибюле, – говорит Бен и начинает спускаться по лестнице. Я с трудом поспеваю за ним.

– Хорошо. – Держась за перила, я смотрю на ступеньки, чтобы не споткнуться.

Мы достигаем подножия лестницы, и я, поколебавшись, спрашиваю:

– Можно вопрос. Что это за исследование?

У Бена вид немного раздраженный и какой-то дерганый. Я обращаю внимание на его начищенные туфли, на изящный стилус в руке.

– Комплексный анализ морально-этических принципов XXI века. Доктор Шилдс пишет научную работу по результатам тестирования сотен респондентов.

Потом он устремляет взгляд мимо меня, в сторону следующей женщины, ожидающей в вестибюле.

– Дженнин?

Я выхожу на улицу, застегиваю кожаную куртку. С минуту стою на месте, пытаюсь сориентироваться, затем поворачиваюсь и иду домой.

Кажется, что все вокруг заняты обычными делами: несколько женщин с яркими ковриками в руках заходят в студию йоги, что находится на углу; мимо, держась за руки, идут два парня; по тротуару мчится на самокате малыш, за которым с криком бежит его отец: «Сбавь ход, дружище!».

Два часа назад я даже не оглянулась бы ни на кого из них. Но сейчас, вновь оказавшись в шумном кипучем мире, я немного растеряна.

Я иду к своему дому, дойдя до угла, останавливаюсь на светофоре. На улице холодно, и я достаю из карманов перчатки. Надевая их, замечаю, что прозрачный лак на ногтях, который я нанесла только вчера, уже отслаивается и шелушится.

Должно быть, я скребла по ногтям, пока раздумывала, стоит ли отвечать на последний вопрос.

Ежась, я обхватываю себя руками. Такое ощущение, что я подхватила какой-то простудный вирус. А у меня сегодня четыре клиента, и я плохо представляю, где взять силы, чтобы таскаться по городу с чемоданчиком и поддерживать пустой разговор.

Интересно, а завтра тестирование продолжится с того вопроса, на котором я остановилась? Или доктор Шилдс позволит мне пропустить его и задаст новый?

Я сворачиваю за последний угол, и передо мной вырастает многоквартирный дом, в котором я живу. Я вхожу в подъезд, тяну за собой дверь, пока не раздастся шелчок. Тащусь наверх, с трудом преодолевая четыре лестничных пролета, отпираю квартиру и падаю на постель. Лео запрыгивает ко мне, сворачивается рядом клубочком. Порой мне кажется, он чувствует, что я нуждаюсь в утешении. Я завела его два года назад, по сути, поддавшись сиюминутному порыву. Как-то зашла в приют для животных, чтобы посмотреть на кошек, и увидела его. Он не лаял, не скулил. Просто сидел в клетке и смотрел на меня, будто только и ждал, когда я за ним приду.

Я поставила будильник в телефоне, чтобы разбудил меня через час, и положила ладонь на маленькое теплое тельце своего песика.

Лежала и думала, а стоит ли оно того? Я не ожидала, что тестирование окажется столь напряженным и вызовет бурю разноречивых болезненных эмоций.

Повернувшись на бок, я смежила отяжелевшие веки, убеждая себя: вот отдохну часок и сразу почувствую себя лучше.

Я не знаю, что будет завтра, какие вопросы подготовит для меня доктор Шилдс. Меня никто не заставляет идти на второй сеанс, напоминаю я себе. Я могу сослаться на то, что проспала. Или, по примеру Тейлор, попросту не явиться.

Я не обязана возвращаться, думаю я, проваливаясь в забытие.

Но я знаю, что всего лишь обманываю себя.

Глава 4

17 ноября, суббота

Вы солгали, что само по себе забавно, ведь вы обманом получили доступ к участию в исследовании как раз-таки нравственно-этических принципов. Забавно и предприимчиво с вашей стороны.

Вы не замечали респондента, которому было назначено на восемь часов утра.

Первоначальная участница позвонила и отменила встречу, объяснив, что она проспала, – позвонила в 8:40, уже после того, как вас проводили в аудиторию. Однако вам разрешили продолжить, потому что к тому времени вы зарекомендовали себя весьма интригующей личностью.

Первые впечатления. Вы молоды: ваши водительские права подтвердили, что вам 28 лет. У вас длинные каштановые волнистые волосы, немного непослушные, одеты вы в джинсы и кожаную куртку. Обручального кольца нет, зато на указательном пальце – изящное колечко из трех тоненьких звеньев.

Несмотря на некоторую небрежность во внешнем виде, в вас чувствуется профессионализм. Вы не принесли с собой кофе, не зевали, не терли глаза, подобно некоторым другим респондентам, приходившим на сеанс рано утром. Вы сидели прямо и в паузах между вопросами не поглядывали украдкой на телефон.

Во время этого первого сеанса вы в чем-то были откровенны, что-то умышленно скрыли. И то, и другое ценно.

Уже с вашего первого ответа стала проступать некая едва уловимая характерная черта, отличающая вас от 51 молодой женщины, которые были опрошены до вас.

Сначала вы признались, что можете солгать клиентке, дабы ее успокоить и обеспечить себе щедрые чаевые.

Затем написали, что готовы отменить встречу с подругой не ради концерта, на который вам в последний момент перепали билеты, или многообещающего свидания, как это делают многие. А ради возможности подзаработать.

Деньги имеют для вас жизненно важное значение. Судя по всему, деньги – основа вашего морального кодекса.

При столкновении финансовых интересов с законами нравственности выявляются весьма любопытные грани человеческой натуры.

Существует целый ряд основополагающих разноплановых причин, заставляющих человека изменять своим нравственным ориентирам: выживание, ненависть, любовь, зависть, страсть. И деньги.

Еще кое-какие наблюдения: для вас на первом месте те, кого вы любите, о чем говорит тот факт, что вы, оберегая родителей, утаиваете информацию, которая может их расстроить. В то же время вы утверждаете, что способны на поступок, который мог бы разрушить отношения других.

Правда, наибольшую интригу содержит вопрос, что остался без ответа, – вопрос, который вас так растревожил, что вы стали карябать ногти.

Респондент 52, благодаря этому тесту вы можете избавиться от своих демонов.

Не сопротивляйтесь.

Глава 5

17 ноября, суббота

Короткий сон помог мне отрешиться от мыслей о докторе Шилдсе и его странном тесте, чашка крепкого кофе – сосредоточиться на своих клиентках, и к тому времени, когда я возвращаюсь домой с работы, я уже снова чувствую себя почти самой собой. Завтрашний сеанс уже не повергает меня в ужас.

У меня даже находятся силы на то, чтобы прибраться в квартире, что обычно сводится к развешиванию в шкафу одежды, которая громоздится на спинке стула. Моя квартира-студия столь крохотна, что по стенам не отыскать ни одного пятка, не заслоненной мебели. Я могла бы позволить себе более просторное жилье, если бы снимала квартиру с кем-то на двоих, но много лет назад я приняла решение, что буду жить одна. Лучше уж ютиться в каморке, зато никто не стоит над душой.

Близится вечер. В единственное окно струится тусклый свет угасающего дня. Сидя на краешке дивана, я дотягиваюсь до своей чековой книжки. Имея в этом месяце дополнительный доход в размере \$500, я не буду, как обычно, содрогаться, оплачивая свои счета.

Я начинаю выписывать чек Антонии Салливан, а в голове будто снова засел доктор Шилдс:

У вас есть тайны от близких вам людей, которые вы тщательно от них скрываете, чтобы они не расстраивались?

Ручка застывает над чековой книжкой.

Антония – частнопрактикующий врач по трудотерапии и исправлению речевых дефектов, один из лучших в Филадельфии.

По вторникам и четвергам с Бекки работает специалист, которого финансируют власти штата, но занятия с ним почти не дают результатов. А в те дни, когда приходит Антония, случаются маленькие чудеса: попытка заплести косу или написать предложение; вопрос о книжке, которую читала ей Антония; восстановление утраченной памяти.

Антония берет 125 долларов в час, но родители, полагая, что она выставляет им счета со скидкой, платят лишь крохотную долю от этой суммы. Остальное покрываю я.

Сегодня я честно призналась себе: знай об этом мои родители, папа был бы смущен, мама стала бы тревожиться. Возможно, они отказались бы от моей помощи.

Вот и славно, что им не приходится выбирать.

Антонии я плачу последние полтора года. После каждого ее визита мама звонит мне и дает полный отчет.

Я не сознавала, сколь обременительна для меня эта игра в кошки-мышки, пока не написала об этом сегодня утром. Доктор Шилдс, заметив, что мне, вероятно, приходится нелегко, словно позволил мне наконец-то признать свои подлинные чувства.

Я выписываю чек, кладу его в конверт, запечатываю, затем вскакиваю с дивана, иду к холодильнику и достаю пиво.

Сегодня я больше не хочу анализировать свои решения; я и без того в тот мир скоро вернусь.

Я беру телефон и пишу Лиззи: «Мы можем встретиться чуть раньше?»

* * *

Я захожу в «Фойе» и обвожу взглядом зал. Лиззи еще нет. Я не удивлена. Я явилась на десять минут раньше. Заметив у барной стойки два пустых табурета, занимаю оба.

– Привет, Джесс, – кивает мне бармен Сэнджей. Я часто здесь бываю. Бар находится в трех кварталах от моего дома, и в те часы, когда действуют скидки, пиво здесь стоит всего три доллара. – Пиво? – спрашивает он.

– Водку с клюквенным соком и содовой, пожалуйста.

Период скидок закончился почти час назад.

Мой бокал уже наполовину пуст к тому времени, когда появляется Лиззи. Снимая на ходу шарф и куртку, она напрямик идет ко мне. Я убираю с соседнего табурета свою сумку.

– Со мной сегодня такое было... – Лиззи плюхается на табурет и затем крепко обнимает меня. Розовощекая, с взлохмаченными белокурыми волосами, она похожа на селянку со Среднего Запада, каковой она, собственно говоря, и была, пока не приехала в Нью-Йорк, чтобы застолбить себе место на поприще дизайнера сценического костюма.

– С тобой? Не может быть, – усмехаюсь я.

Когда мы беседовали с ней последний раз, Лиззи сообщила, что попыталась угостить одного бомжа сэндвичем с индейкой, а тот обругал ее: он – вегетарианец, а она, видите ли, этого не знает. А несколькими неделями раньше в магазине она попросила одну женщину провести ее к полкам с банными полотенцами. Оказалось, она обратилась за помощью не к консультанту, а к номинированной на «Оскар» актрисе Мишель Уильямс. «Но она знала, где лежат полотенца», – добавила Лиззи в заключение своего рассказа.

– Я была в парке Вашингтон-сквер... постой, ты пьешь водку с клюквой? Сэнджей, мне то же самое. Как поживает твой сексуальный бойфренд? Так вот, Джесс... о чем бишь я? А-а, о зайчонке. Он сидел прямо посреди аллеи и смотрел на меня.

– Зайчонок? Как Топотун из «Бемби»?

Лиззи кивает.

– Такая лапочка! Длинные ушки, крошечный розовый носик. Наверно, его кто-то потерял. Он совсем ручной.

– И сейчас он у тебя дома, да?

– Так холодно же на улице! – восклицает Лиззи. – В понедельник обзвоню все местные школы. Может, кто-то захочет взять его в живой уголок.

Сэнджей ставит перед Лиззи коктейль. Та пригубливает бокал.

– А у тебя как дела? Что интересенького?

В кои-то веки мне есть чем похвастать, но только я открываю рот, перед глазами всплывает экран ноутбука с инструкциями: *Соглашаясь участвовать в проекте, вы принимаете условия конфиденциальности. Вы ни с кем не должны это обсуждать.*

– Все как обычно, – отвечаю я, болтая напиток в бокале. Потом достаю из сумки несколько монет по 25 центов и соскакиваю с табурета. – Пойду музыку поставлю. Есть пожелания?

– «Роллинг стоунз», – говорит Лиззи.

Я ставлю для нее песню «Honky Tonk Women», затем, прислонившись к музыкальному автомату, просматриваю названия песен.

С Лиззи мы познакомились вскоре после моего переезда в Нью-Йорк. Обе участвовали в экспериментальной постановке одного внебродвейского театра: я – как гример, она – как костюмер. Спектакль закрыли после двух показов, но мы к тому времени уже подружились. С ней я более близка, чем с кем бы то ни было. Вместе с Лиззи я ездила к ее родителям на длинный уикенд; она проводила время с моими родителями и Бекки, когда они несколько лет назад навещали меня в Нью-Йорке. Если мы с ней обедаем или ужинаем в нашем любимом еврейском кафе, она всегда угостит меня кошерным соленым огурчиком со своей тарелки, – знает, что я их очень люблю. А я знаю, что она обожает детективы Карин Слотер, так что ее из дома не вытащишь, пока она не дочитает ее очередной новый роман.

Лиззи, разумеется, не все про меня известно, и все же мне как-то странно, что я не вправе поделиться с ней своими впечатлениями о минувшем дне.

К музыкальному автомату подходит какой-то парень, встает рядом со мной, просматривая названия песен.

Зазвучала песня для Лиззи.

– Фанатка «Стоунз», да?

Я поворачиваюсь к нему. Ну точно выпускник какой-нибудь школы бизнеса. Я таких в метро каждый день вижу десятки. Заметен в нем уолл-стритовский лоск: свитер с вырезом лодочкой, излишне опрятные джинсы. Коротко остриженные волосы, щетина на лице, но, скорее, естественная, отросшая за день, а не стильная легкая небритость, создающая определенный образ. Часы – тоже показатель. «Ролекс», но не антикварные, которые выдавали бы в нем отпрыска старинной богатой аристократии. Это одна из новых моделей, которую он, вероятно, купил себе сам, возможно, на первую годовую премию.

В общем, по мне так слишком ложенный.

– Парень мой их любит, – отвечаю я.

– Счастливчик.

– Спасибо. – Я смягчаю отказ улыбкой. Выбираю «Purple Rain» и возвращаюсь на свой табурет.

– Значит, ты держишь зайчонка в ванной? – удивляется Сэнджей.

– Я газеты постелила, – объясняет Лиззи. – Правда, моя соседка не в восторге.

– Еще бокальчик? – подмигивает мне Сэнджей.

Лиззи достает свой телефон и показывает фото зайченка мне и Сэнджею.

– Хотите посмотреть, какой он?

– Милашка, – комментирую я.

– Ой, эсэмэска пришла, – произносит Лиззи, глядя в телефон. – Помнишь Катрину? Она устраивает вечеринку. Не хочешь пойти?

Катрина актриса. Лиззи работает с ней в новой постановке. С Катриной я давно не виделась – с тех пор, как работала с ней вместе в одном спектакле перед самым моим уходом из театра. Летом она связывалась со мной, предлагала встретиться и поболтать. Но я так и не отозвалась.

– Сегодня? – уточняю я, без особого энтузиазма.

– Да, – отвечает Лиззи. – Кажется, там будет Аннабель, может, и Кэтлин.

Против Аннабель и Кэтлин я ничего не имею. Но, скорее всего, помимо них приглашены и другие представители театральной среды. В том числе человек, которого я предпочла бы никогда не видеть.

– Джина не будет, не волнуйся, – успокаивает меня Лиззи, словно читая мои мысли.

Лиззи, догадываюсь я, жаждет пойти на вечеринку. Она с ними до сих пор дружит. К тому же, она компонует свое портфолио. Нью-йоркская театральная среда – довольно узкий мирок, в котором нужно постоянно светиться, если хочешь, чтоб тебя приглашали на работу. Однако Лиззи неловко бросать меня одну.

И в голове будто снова зазвучал низкий успокаивающий голос доктора Шилдса: *Могли бы вы солгать без зазрения совести?*

Да, отвечаю я ему.

И говорю Лиззи:

– Да нет, дело не в этом. Просто я очень устала. А завтра рано вставать.

Я подзываю Сэнджея.

– Давай быстренько еще по бокалу, и я пойду спать. А ты, Лиззи, непременно сходи, потусуйся.

* * *

Двадцать минут спустя мы с Лиззи выходим из бара. Нам в разные стороны, поэтому мы сразу стали прощаться, обнялись на тротуаре. От нее пахнет цитрусом; помнится, я сама помогла ей подобрать этот аромат.

Я смотрю, как она сворачивает за угол, направляясь на вечеринку.

Лиззи сказала, что Джина Френча там не будет, но я избегаю встреч не только с ним. Я вообще не стремлюсь контактировать с кем-либо из того периода моей жизни, хотя посвятила ему первые семь лет после переезда в Нью-Йорк.

В этот город меня привела любовь к театру. Театром я заболела в детстве, когда мама повела меня на местную постановку «Волшебника страны Оз». После спектакля актеры вышли в фойе, и я поняла, что все они – Железный Дровосек, Трусливый Лев, Злая Ведьма Запада – самые обычные люди. В сказочных персонажей их превратили белая пудра, веснушки, нарисованные карандашом для бровей, и зеленая основа под макияж.

Бросив колледж, я приехала в Нью-Йорк и устроилась на работу в отдел косметики «Бобби Браун» в универмаге «Блумингдейлз». И одновременно пробовалась в качестве гримера на каждую постановку, заявленную на сайте «Backstage.com». Тогда-то я и узнала, что профессиональные визажисты носят свои принадлежности – палитры контуров, основы под макияж, накладные ресницы – не в рюкзаках, а в специальных черных чемоданчиках, раскладывающихся гармошкой. Поначалу работу я получала нерегулярно, на маленькие постановки, где со мной зачастую расплачивались контрамарками. Но через пару лет я стала больше востребована, обслуживала спектакли, которые пользовались большим успехом у публики, что дало мне возможность оставить универмаг. Теперь не я сама искала работу, а меня приглашали; у меня даже появился свой агент – правда, другим его клиентом был фокусник, выступавший на презентациях.

Тот период своей жизни я вспоминаю как один сплошной праздник: тесная дружба с актерами и закулисными работниками театров; пьянящее чувство удовлетворенности, когда публика стоя аплодирует нашему творению. Но теперь, как частный визажист, я зарабатываю гораздо больше. И я давно поняла, что не у всех мечты обязательно сбываются.

И все же я невольно задумываюсь о том времени. Интересно, Джин остался таким же?

Когда нас представили друг другу, он взял меня за руку. Голос у него был густой и зычный, как и приличествует тому, кто работает в театре. Ему еще не исполнилось сорока, а он уже был на пути к славе. И взошел на вершину успеха даже быстрее, чем я ожидала.

Я силилась не покраснеть, а он произнес: «У вас чудесная улыбка». Это были его первые слова, обращенные ко мне.

Воспоминания приходят всегда в одном и том же порядке: он дремлет в кресле в темном зале, я приношу ему кофе, бужу его; он показывает мне театральную программку, свеженькую, только что из типографии, пальцем тычет в мою фамилию, напечатанную в составе участников постановочной группы; мы с ним вдвоем в его кабинете, он смотрит мне в глаза и медленно расстегивает брюки...

И последнее, что он сказал мне, в то время как я пыталась сдержать слезы: «Счастливо тебе добраться до дома. Пока?» Потом остановил такси и дал водителю двадцатку.

Интересно, он когда-нибудь думает обо мне?

Хватит, одергиваю я себя. Я должна жить дальше.

Но я знаю, что, если сейчас вернусь домой, заснуть не смогу. Воображение снова будут занимать сцены последнего вечера, что мы провели вместе, я буду ломать голову над тем, почему я поступила так, а не иначе, или размышлять об исследовании доктора Шилдса.

Я оглядываюсь на бар. Затем решительно открываю дверь, захожу. Взглядом нахожу темноволосого банкира. Он со своими приятелями играет в дартс.

Я прямой наводкой иду к нему. Он всего лишь сантиметров на пять выше меня, хотя я в ботильонах на низком каблучке.

– И снова здравствуйте, – обращаюсь я к нему.

– Привет? – протяжно произносит он с вопросительной интонацией.

– На самом деле парня у меня нет. Позволь угостить тебя пивом?

– Значит, отношения были скоротечными, – замечает он. Я смеюсь. – Давай я первый угощаю. – Он отдает приятелям свои дартсики.

– Как насчет пряного виски? – предлагаю я.

Он идет к бару. Сэнджей бросает на меня взгляд, я отвожу глаза. Надеюсь, он не слышал, как я сказала Лиззи, что собираюсь домой.

Банкир возвращается с бокалами виски, мы чокаемся.

– Ноа, – представляется он.

Я делаю глоток из бокала, корица обжигает мне губы. Я не заинтересована в том, чтобы продолжать знакомство с Ноа после сегодняшнего вечера. Поэтому называюсь первым именем, что приходит на ум:

– Тейлор.

* * *

Я приподнимаю одеяло и, медленно выбираясь из-под него, озираюсь по сторонам. Мне требуется секунда, чтобы вспомнить: я на диване в квартире Ноа. Мы пришли сюда после того, как выпили еще несколько порций виски в другом баре. Когда сообразили, что не поужинали и умираем с голода, Ноа побежал в гастроном на углу.

– Никуда не уходи, – распорядился он, наливая мне бокал вина. – Буду через пару минут. Хочу поджарить гренки, а яиц дома нет.

Должно быть, я почти мгновенно провалилась в сон. Полагаю, вместо того, чтобы разбудить меня, Ноа снял с меня обувь и укрыл одеялом. А еще оставил на журнальном столике записку: *Привет, соня, гренки поджарю утром.*

Я по-прежнему в джинсах и в кофточке: дальше поцелуев дело не зашло. Я хватаю свои сапожки, куртку и на цыпочках продвигаюсь к выходу. Когда я открываю дверь, она скрипит. Я кривлюсь, но из спальни Ноа не доносится ни звука. Я тихонько затворяю за собой дверь, затем натягиваю сапоги и торопливо иду по коридору. На лифте спускаюсь в вестибюль. Пока еду в кабине с девятнадцатого этажа, приглаживаю волосы и вытираю размазанную под глазами тушь.

Консьерж поднимает голову от мобильного телефона.

– Доброй ночи, мисс.

Я скидываю руку на прощание и, выйдя из здания, пытаюсь сориентироваться. Ближайшая станция метро в четырех кварталах. Почти полночь, но люди на улице встречаются. Я иду к метро, на ходу вытаскивая из бумажника проездной.

Холодный воздух обжигает лицо. Я трогаю саднящее место на подбородке, натертое щетиной Ноа, когда мы целовались.

Как ни странно, этот дискомфорт действует на меня успокаивающе.

Глава 6

18 ноября, воскресенье

Ваш второй сеанс начинается так же, как и первый: Бен встречает вас в вестибюле и провожает в комнату № 214. Поднимаясь по лестнице, вы спрашиваете, останется ли формат тестирования прежним. Он отвечает утвердительно, но дополнительной информации не дает. Ему не позволено делиться тем, что ему известно; он тоже дал подписку о неразглашении.

Как и вчера, на столе в первом ряду вас ждет тонкий серебристый ноутбук. На экране – инструкции и приветствие: *С возвращением вас, Респондент 52. Добро пожаловать.*

Вы снимаете куртку, садитесь за стол. Многие из молодых женщин, что занимали это место до вас, мало чем отличались друг от друга: длинные прямые волосы, нервные смешки, некая детская угловатость во всем облике и манерах. Вы стоите особняком – и не только потому, что наделены нетипичной красотой.

Вы сидите прямо, будто кол проглотили. Сохраняете неподвижность почти пять секунд. Зрачки чуть расширены, губы плотно сжаты – классические признаки волнения. Вы делаете глубокий вдох и нажимаете «ввод».

На экране появляется первый вопрос. Вы читаете его, и напряженность уходит из вашего тела, губы смягчаются. Вы поднимаете глаза к потолку. Едва заметно киваете, наклоняете голову и начинаете быстро печатать.

Вы рады, что на экране не появился последний вопрос вчерашнего сеанса, – тот, что поставил вас в тупик.

К третьему вопросу вы уже окончательно расслаблены, больше не насторожены. Ваши ответы, как и в прошлый раз, не разочаровывают. Они оригинальны и откровенны.

Уходя тайком, я даже записки ему не оставила, печатаете вы, отвечая на четвертый вопрос: Когда последний раз вы поступили с кем-то нечестно и почему?

Вопросы теста специально не ограничены какой-то определенной темой, чтобы респонденты сами могли решить, в каком направлении им отвечать. Большинство женщин уклоняются от темы секса, по крайней мере, на столь раннем этапе тестирования. Но вы уже во второй раз ступаете на территорию, которая многих отпугивает. Вы старательно пишете: *Я рассчитывала, что мы переспим и я уйду. Обычно подобные свидания проходят именно так. Но по пути к его дому мы проходили мимо торгового лотка с сухими крендельками, посыпанными солью, и я остановилась, так как не ела с самого обеда. «Даже не думай, – сказал он, таща меня прочь. – Я поджарю гренки. У меня они самые вкусные в этом городе».*

Он выбежал в магазин за яйцами, а я заснула на диване.

Вы хмуритесь. Сожалеете?

И продолжаете печатать: *Я проснулась около полуночи. Но оставаться я не собиралась – и не только из-за своей собаки. Наверно, можно было бы черкнуть ему свой телефон, но я не настроена на длительные отношения.*

В настоящий момент вы не хотите слишком близко подпускать к себе мужчину. Будет интересно, если вы подробнее выскажетесь об этом, и какое-то мгновение кажется, что вы так и сделаете.

Рук с клавиатуры вы не убираете. Но потом, тряхнув головой, отправляете ответ.

Что еще вы подумывали написать?

На экране всплывает следующий вопрос, ваши пальцы взлетают над клавиатурой. Но вместо того, чтобы отвечать, вы сами задаете вопрос анкетеру.

Надеюсь, ничего страшного, если я нарушу правила? Просто мне в голову пришла одна мысль, печатаете вы. Я не испытывала чувства вины, когда уходила от этого парня. Я верну-

лась домой, выгуляла Лео и легла спать в свою собственную постель. Проснувшись утром, я почти не помнила о нем. Но сейчас вот подумала: может, я повела себя невоспитанно? Возможно ли, что, принимая участие в этом исследовании принципов нравственности, я становлюсь более нравственным человеком?

Респондент 52, чем больше вы открываете о себе, тем более завораживающую картину собой представляете.

Из всех участников данного исследования до вас только одна женщина обращалась непосредственно к анкетеру: Респондент 5. Она тоже во многом отличалась от всех остальных.

Респондент 5 зарекомендовала себя... особенной личностью. А потом разочаровала. И в конечном итоге не оправдала надежд.

Глава 7

21 ноября, среда

В повседневной жизни принципы нравственности постоянно испытываются на прочность.

Перед тем как сесть в автобус, который повезет меня домой к родителям, я покупаю банан и воду, а усталый продавец в магазинчике на вокзале дает мне сдачу с десятки, а не с пятерки, которую я ему протянула. Женщина с изрытым оспинами лицом и кривыми зубами держит кусок картона с надписью: *Нужны \$\$\$ на билет, чтобы навестить больную мать. Благослови вас Господь.* Автобус заполнен до отказа, как всегда бывает перед праздниками, но худой длинноволосый мужчина, сидящий через проход от меня, занимает еще и соседнее пустующее место, положив на него свой рюкзак.

Я сожалею о своем выборе места тотчас же, как только сажусь. Моя соседка, уткнувшись взглядом в электронную читалку, расставила локти, покушаясь на мое пространство. Я притворно потягиваюсь и, якобы нечаянно задев ее по плечу, извиняюсь:

– Простите.

Водитель заводит автобус, выезжает с вокзала, и я мыслями снова возвращаюсь к воскресному сеансу, который проводил доктор Шилдс. Вопрос, которого я страшилась, повторно задан не был, но мне все равно пришлось рассказывать о довольно серьезных вещах.

Я написала, что многие мои подруги звонят отцам, если им нужно занять денег или посоветоваться по поводу того, как вести себя с излишне требовательным начальником. Матерям они звонят, если нуждаются в утешении – когда заболевают гриппом или ссорятся со своими парнями. При других обстоятельствах у меня с моими родителями тоже могли бы сложиться не менее доверительные отношения.

Но у моих родителей своих забот выше крыши; не хватало еще, чтобы они из-за меня переживали. А мне приходится строить счастливую жизнь не для одной дочери, а сразу для обеих.

Я откидываю голову на спинку сиденья, вспоминая реакцию доктора Шилдса: *Не каждый способен выдержать гнет такой психологической нагрузки.*

Зная, что кто-то меня понимает, я чувствую, что я не одна в этом мире.

Интересно, доктор Шилдс все еще проводит тестирование, или я стала одной из последних его респондентов? Ко мне обращались «Респондент 52», но я понятия не имею, сколько еще безымянных девушек сидели на том неудобном стуле и стучали по той же клавиатуре в другие дни. Не исключено, что он прямо в эту минуту опрашивает кого-то еще.

Моя попутчица меняет позу и, нарушая незримую границу, снова вторгается в мое пространство. Борьба с ее невоспитанностью нет смысла. Я отодвигаюсь ближе к проходу, беру в руки телефон и начинаю просматривать старые эсэмэски в поисках сообщения от одноклассницы, которая организовывала неофициальную встречу школьных друзей в местном баре после Дня благодарения. Но я листаю слишком быстро и вместо нужного сообщения натякаюсь на эсэмэску от Катрины, что она прислала мне летом, – ту самую, на которую я не ответила: «Привет, Джесс. Давай встретимся, выпьем кофейку, поболтаем?»

Я абсолютно уверена, что знаю, о чем она хочет «поболтать».

Я провожу пальцем по дисплею, убирая это сообщение, чтобы больше его не видеть. Затем надеваю наушники и запускаю «Игру престолов».

* * *

Отец встречает меня на автовокзале. На нем куртка с символикой его любимых «Орлов» и синяя вязаная шапочка, которую он натянул на уши. На холоде от его дыхания образуются клубы белого пара, похожие на ватные шарики.

С моего последнего визита миновало всего четыре месяца, но, глядя на него в окно, я первым делом отмечаю, что он постарел. В волосах, что выглядывают из-под шапки, стало больше седины, плечи опущены, будто он изнывает от усталости.

Отец поднимает глаза и перехватывает мой взгляд. Быстро швыряет сигарету, что он курил украдкой. Формально он бросил курить двенадцать лет назад, и это означает, что он больше не дымит дома.

Его лицо расплывается в улыбке, когда я схожу с автобуса.

– Джесси! – восклицает отец, обнимая меня. Только он один так меня и называет. Рослый и плотный, он едва не душит меня в своих объятиях. Отец отнимает от меня руки и, наклонившись, смотрит в переноску, что я держу в руке. – Привет, малыш, – здороваются он с Лео.

Водитель автобуса вытаскивает из багажного отсека чемоданы. Я хочу взять свой, но рука отца меня опережает.

– Голодная? – спрашивает он, как всегда.

– Как волк, – отвечаю я по обыкновению. Мама расстроилась бы, если б я приехала домой сытой.

– Завтра «Орлы» играют с «Медведями»³, – сообщает отец, шагая по парковке.

– Отличная была игра на той неделе. – Я надеюсь, что мой ответ достаточно нейтральный – похвала команде, за которую болеет отец, независимо от того, победила она или проиграла. Я забыла узнать счет, пока ехала в автобусе.

Мы подходим к старенькому «Шевроле Импала», отец ставит мой чемодан в багажник. Я замечаю, что он морщится: в холодную погоду коленка беспокоит его сильнее.

– Давай я поведу? – вызываюсь я.

Вид у отца почти оскорбленный, и я спешу добавить:

– В Нью-Йорке я почти не вожу машину, боюсь утратить сноровку.

– Да, конечно. – Он бросает мне ключи, которые я ловлю на лету правой рукой.

Заведенный порядок в доме родителей, их привычки я знаю, как свои собственные. Поэтому часа не проходит после моего приезда, как я понимаю: что-то не так.

Только мы останавливаемся перед домом, отец вытаскивает Лео из переноски и вызывается с ним погулять. Мне не терпится увидеть маму и Бекки, и я соглашаюсь. По возвращении домой отец никак не может отстегнуть с Лео поводок. Я бросаюсь к нему на помощь. От отца сильно пахнет табаком, и я понимаю, что он снова курил.

Даже в те времена, когда он официально считался курильщиком, он никогда не выкуривал две сигареты одну за другой.

Потом, пока мы с Бекки сидим на кухне и рвем латук для салата, мама наливает себе бокал вина и предлагает мне тоже выпить.

– С удовольствием, – отвечаю я.

Поначалу я не придаю этому значения. Сегодня канун Дня благодарения – по сути, выходные.

Но потом, пока готовятся макароны, мама наливает себе второй бокал.

³ Очевидно, имеется в виду «Chicago Bears» («Чикагские Медведи») – профессиональный клуб по американскому футболу.

Я наблюдаю, как она помешивает томатный соус. Ей еще только 51 год, она немногим старше еврейских мамаш, которым я порой делаю макияж, – те выглядят так молодо, что хоть документы у них проверяй при входе в бар. Она красит волосы в каштановый цвет и носит фитнес-браслет, по которому сверяет, выходила ли она за день свои 10000 шагов. Но сейчас она кажется какой-то сдувшейся, словно воздушный шарик, из которого частично улетучился гелий.

Мы сидим за дубовым столом, мама засыпает меня вопросами о работе, отец посыпает макароны сыром «пармезан».

В кои-то веки я ей не лгу. Говорю, что решила немного отдохнуть от театра и в частном порядке делаю клиенткам макияж.

– А что с тем спектаклем, милая, про который ты мне говорила на прошлой неделе? – допытывается мама. Второй бокал вина, что она себе налила, почти пуст.

Я с трудом вспоминаю, что ей тогда сказала. Прежде чем ответить, сую в рот ригатони.

– Закрыли. Но оно и к лучшему. Я теперь сама себе хозяйка. И к тому же общаюсь с массой интересных людей.

– О, замечательно. – Морщины на лбу мамы разглаживаются. Она поворачивается к Бекки. – Может, и ты однажды переедешь в Нью-Йорк, снимешь там квартиру, познакомишься с интересными людьми.

Теперь хмурюсь я. В результате черепно-мозговой травмы, полученной в детстве, Бекки пострадала не только физически. У нее возникли нарушения памяти, как кратковременной, так и долговременной, и по этой причине она никогда не сможет жить самостоятельно.

Мама тешит себя ложной надеждой – и поощряет к тому Бекки.

Меня это и прежде немного раздражало. Но сегодня я воспринимаю ее слова как проявление... безнравственности.

Я воображаю, как доктор Шилдс задает мне вопрос: *Побуждать кого-то мечтать о несбыточном – это проявление бесчестности или доброты?*

Я раздумываю о том, как бы я объяснила свое отношение к данной ситуации. *Это не то чтобы плохо, напечатала бы я. Мама, скорее, успокаивает себя, а не Бекки.*

Я отпиваю глоток вина, затем умышленно меняю тему разговора:

– Ну что, поди уже всю собираетесь во Флориду?

Они ездят туда каждый год. Втроем. Выезжают через два дня после Рождества и возвращаются 2 января. Останавливаются в одном и том же недорогом мотеле неподалеку от побережья. Бекки очень любит океан, хотя сама плавает плохо и глубже, чем по пояс, в воду не заходит.

Мои родители переглядываются.

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Океан в этом году слишком холодный, – объясняет Бекки.

Я перехватываю взгляд отца, он качает головой.

– Позже поговорим.

Через некоторое время мама внезапно встает из-за стола и принимается убирать посуду.

– Давай я, – предлагаю я.

Она отмахивается.

– Лучше идите с папой выгуляйте Лео. А я уложу Бекки спать.

* * *

В поясницу мне уткнулась какая-то железяка раскладного механизма дивана. Я снова поворачиваюсь на тонком матрасе, пытаюсь найти удобное положение, которое позволит мне заснуть.

Почти час ночи, в доме тихо. Но голова у меня гудит, как стиральная машина, воспроизводя сцены и обрывки разговора.

Только мы вышли на улицу, отец достал из кармана куртки пачку «Винстона» и коробок спичек. Зажег одну и, ладонью прикрывая пламя, стал прикуривать. Сжег три спички, пока закурил.

Я все это время осмысливала новость, что он мне сообщил. Наконец произнесла:

– Выходное пособие?

Отец выпустил дым.

– Нам настоятельно рекомендовали не отказываться. Так прямо и написали в уведомлении.

Мы еще только дошли до угла, а у меня от холода уже онемели руки. В темноте я не могла разглядеть выражение его лица.

– Будешь искать другую работу? – спросила я.

– Уже ищу, Джесси.

– Ты обязательно что-нибудь найдешь.

И едва эти слова слетели с моих губ, я осознала, что веду себя точно так, как мама с Бекки.

Я снова повернулась на диване и одной рукой обняла Лео.

До моего переезда в Нью-Йорк мы с Бекки занимали одну комнату, но потом у нее появилось дополнительное пространство. На месте моей кровати теперь расположились письменный стол и мини-батут с предохранительной штангой. Другого дома у Бекки никогда не было.

Родители живут здесь почти тридцать лет. Они выкупили бы дом, но из-за того, что им приходится платить за лечение Бекки, они вынуждены постоянно переоформлять кредит.

Мне известны их ежемесячные расходы. Я просматривала счета, которые мама хранит в выдвижном ящике буфета.

В голове опять стали роиться вопросы. И самый главный из них: что с ними будет, когда кончатся деньги выходного пособия?

* * *

22 ноября, четверг

День благодарения мы ежегодно празднуем у тети Хелен и дяди Джерри. Их дом гораздо просторнее, чем у моих родителей, и мы, все десять человек, спокойно умещаемся за обеденным столом в столовой. Мама всегда приносит запеканку из зеленой фасоли, обложенную по краям жареным луком, а мы с Бекки готовим начинку для индейки. Перед тем как отправиться в гости, Бекки просит, чтобы я сделала ей макияж.

– С удовольствием, – говорю я. Именно на Бекки еще в детстве я начинала осваивать искусство макияжа.

Я не привезла с собой свой рабочий саквояж, но Бекки внешне похожа на меня – светлая кожа, усыпанная веснушками, светло-карие глаза, прямые брови, – и потому я достаю свою личную косметичку и принимаюсь за работу.

– Под кого будем краситься? – спрашиваю я.

– Под Селену Гомес, – с готовностью отвечает Бекки. Она большая поклонница Селены еще с тех пор, когда ту показывали по каналу «Дисней».

– Ты так любишь ставить мне трудные задачи, да? – говорю я. Бекки смеется.

Я втираю тонирующий увлажняющий крем в кожу Бекки, а сама размышляю о том, что сказала за ужином мама. С родителями и сестрой я перестала ездить во Флориду с тех пор как перебралась в Нью-Йорк, но мама всегда присылает мне фотографии, на которых Бекки

собирает в ведро ракушки или смеется оттого, что ей на живот попали брызги. Бекки обожает безалкогольный коктейль «Розовая пантера» в бокале, украшенном зонтиком и засахаренной вишенкой, – она пьет его в рыбном ресторане, который так любят наши родители. Пока мама гуляет по пляжу, отец ведет Бекки играть в мини-гольф, а потом они все вместе ловят крабов, стоя на оконечности пирса. Их усилия редко бывают вознаграждены, но даже тех крабов, что им случается поймать, они все равно выбрасывают в море.

В это время, только раз в году, они, как мне кажется, по-настоящему отдыхают.

– Не хочешь приехать ко мне в Нью-Йорк на Рождество? – неожиданно предлагаю я. – Я покажу тебе большую елку. Мы посмотрим салют, выпьем горячего шоколада в кафе «Интуиция».

– Здорово, – отвечает Бекки, но я вижу, что она занервничала. Сестра как-то навещала меня в Нью-Йорке, но шум и толпы большого города ее пугают.

Румянами я подчеркиваю контуры ее скул, наношу на губы блеск мягкого розового оттенка, потом, велев ей смотреть вверх, крашу тушью ресницы.

– Закрой глаза, – говорю я, и Бекки улыбается: настал ее любимый момент.

Я беру сестру за руку и веду к зеркалу в ванной.

– Ой, какая я красивая! – восклицает она.

Я крепко обнимаю ее, чтобы она не видела слез в моих глазах.

– Очень, – шепотом выдыхаю я.

* * *

После того как все отведали пирожков с тыквой и пеканом, испеченных тетей Хелен, мужчины удаляются в гостиную смотреть футбол, а женщины с грязной посудой скрываются на кухне. Это еще один ритуал.

– Уф. Я так объелась, что меня сейчас стошнит, – стонет кузина Шелли, расправляя на себе блузку.

– Шелли! – одергивает ее тетя Хелен.

– Это все из-за тебя, мам. Ты так вкусно готовишь! – Шелли подмигивает мне.

Я беру полотенце. Бекки вносит на кухню тарелки и аккуратно ставит их в ряд на стол. Несколько лет назад тетя отремонтировала кухню, заменив пластик на гранитное покрытие.

Мама принимается мыть посуду, которую тетя Хелен приносит из столовой. Моя кузина Гейл, сестра Шелли, находится на восьмом месяце беременности. Театрально вздохнув, она плюхается на стул у стола, поддвигает к себе другой, закидывает на него ноги. Каким-то образом Гейл всегда удаётся уклоняться от мытья посуды, но сейчас, в кои-то веки, у нее уважительная причина.

– Та-а-ак... завтра вечером все собираемся в «Брюстере», – произносит Шелли, перекладывая остатки начинки в пластиковый контейнер. Под «всеми» она подразумевает наших одноклассников, которые намерены быть на неофициальной встрече бывших школьных друзей. – Знаешь, кто там будет? – Она делает паузу.

Неужели и впрямь ждет, что я начну строить предположения?

– Кто? – наконец спрашиваю я.

– Кит. Он развелся.

Я с трудом вспоминаю, кого из футболистов звали Кит.

Саму Шелли он не интересуется: она вышла замуж полтора года назад. Готова поспорить на двадцать баксов, что к следующему году это уже она будет сидеть в кресле с задранными ногами.

Шелли и Гейл выжидательно смотрят на меня. Гейл круговыми движениями ладони медленно поглаживает свой живот.

В кармане моей юбки вибрирует мобильный телефон.

– Забавно, – говорю я. – Гейл, я так понимаю, ты нас повезешь, да?

– Черта с два, – фыркает она. – Я буду нежиться в ванной с журнальчиком.

– У тебя есть кто-нибудь в Нью-Йорке? – любопытствует Шелли.

Телефон вибрирует во второй раз, как это всегда бывает, если я сразу не открыла SMS-сообщение.

– Ничего серьезного, – отвечаю я.

– Ну да, наверно, трудно конкурировать с красотками-моделями, – сахарным голоском замечает Гейл.

Белокурые волосы и пассивную агрессию она унаследовала от тети Хелен, которая охотно вставляет свое слово:

– С детьми не затягивай. Кое-кто, я уверена, очень хочет внуков!

Обычно подковырки тети Хелен мама пропускает мимо ушей, но сейчас, я чувствую, она вся ощетинилась. Может, потому что выпила за ужином.

– Джесс занята в бродвейских постановках, – парирует мама. – Она настроена сначала карьеру сделать, а уж потом будет семьей обзаводиться.

Трудно сказать, кого мама защищает столь яростно – меня или себя.

Наш разговор прерывает муж Гейл, Фил. Войдя в кухню, он открывает холодильник и объясняет:

– Только пиво возьму.

– Отлично! – восклицает Шелли. – Женщины тут надрываются, посуду моют, а они, везунчики, балдеют перед телевизором, смотрят футбол.

– Шел, ты, что, и впрямь хочешь посмотреть футбольный матч? – смеется он.

– Ладно, иди, – взмахом руки отсылает она его.

На кухне завязалось обсуждение, подходит ли желтая палитра для детской Гейл. Я силюсь изображать притворный интерес к разговору, но в конце концов не выдерживаю и, извинившись, удаляюсь в ванную, где достаю из кармана телефон.

На раковине горит свеча, источающая имбирный аромат. Ее сладкий запах колом застревает в горле.

На дисплее новое сообщение, отправленное с незнакомого номера:

«Простите, что беспокою вас в праздничные дни. Это доктор Шилдс. Вы будете в городе в эти выходные? Хотелось бы назначить вам еще один сеанс. Сообщите, сможете ли вы прийти.»

Я дважды прочитываю сообщение.

Даже не верится, что доктор Шилдс связался со мной напрямую.

Мне казалось, сбор материала для исследования подразумевал двухразовый опрос одного респондента, но, возможно, я чего-то недопоняла. Если доктор Шилдс приглашает меня на дополнительные сеансы, значит, по идее, он готов заплатить еще.

Интересно, почему он сам написал мне? Потому что у Бена выходной? Как-никак сегодня День благодарения. Не исключено, что доктор Шилдс сейчас работает в своем домашнем кабинете, пока его жена возится с индейкой, а внуки накрывают на стол. Наверно, он настолько предан своему делу, что ему трудно отключиться от работы даже в праздники, – подобно тому, как я теперь постоянно размышляю об аспектах нравственности.

Многие молодые женщины, участвовавшие в тестировании, вероятно, ухватились бы за возможность посетить дополнительные сеансы. Почему выбор доктора Шилдса пал именно на меня?

Обратный билет на автобус я купила на воскресное утро. Родители расстроятся, если я уеду раньше, даже если я скажу им, что мне предложили серьезную денежную работу.

Не отвечая доктору Шилдсу, я убираю телефон в карман и выхожу из ванной.

За дверью стоит Фил.

– Извини, – говорю я, пытаюсь протиснуться мимо него в узком коридоре. Он наклоняется ко мне ближе и обдает меня пивным запахом. Фил учился в той же школе, что и мы. С Гейл они вместе давно: полюбили друг друга, когда он был в двенадцатом классе, она – в десятом.

– Я слышал, Шелли задумала свести тебя с Китом, – произносит он.

Я в ответ усмехаюсь, надеюсь, что Фил сейчас шагнет в сторону и перестанет преграждать мне путь.

– Кит меня как-то не интересует, – отвечаю я.

– В самом деле? – Он придвигается ко мне еще ближе. – Ты слишком хороша для него.

– Спасибо, – благодарю я.

– Знаешь, а ты мне всегда нравилась.

Я цепенею. Он смотрит мне в глаза.

Его жене скоро рожать. Ну и ну.

– Фил! – зовет из кухни Гейл, криком сотрясая тишину. – Я устала. Пойдем домой.

Наконец он посторонился, и я по стеночке прошмыгнула мимо него.

– До завтра, Джесс, – прощается он перед тем, как закрыть дверь ванной.

Я останавливаюсь в конце коридора.

Все тело начинает чесаться, будто мой шерстяной свитер внезапно стал колючим; мне не хватает воздуха – то ли едкий запах свечи забил легкие, то ли на меня так подействовали заигрывания Фила. Не новое для меня ощущение. Именно поэтому я уехала из дома много лет назад.

Я выхожу на заднее крыльцо.

Стою и жадно глотаю холодный воздух. Рука сама лезет в карман, нащупывает гладкий пластиковый корпус мобильного телефона.

Рано или поздно деньги у родителей кончатся. Теперь я должна копить и копить. А если я отклоню предложение доктора Шилдса, он найдет другого респондента, более уступчивого.

Я и сама понимаю, что ищу слишком много доводов.

Я вынимаю телефон и отвечаю доктору Шилдсу: «Меня устроит любое время в субботу или в воскресенье».

Почти сразу я вижу на экране три точки: он пишет ответ. Спустя мгновение я читаю: «Отлично. Вы записаны на 12 часов в субботу. В том же месте».

Глава 8

24 ноября, суббота

Респондент 52, вы даже не представляете, с каким нетерпением ожидался ваш приход на третий сеанс.

Вы выглядите как всегда чудесно, но вид у вас подавленный. Войдя в комнату № 214, вы медленно снимаете куртку и вешаете ее на спинку стула. Она висит неровно, но вы ее не поправляете. Грузно опускаетесь на стул, медлите перед тем, как нажать «ввод».

Вы тоже провели День благодарения в одиночестве?

Появляется первый вопрос, вы принимаетесь излагать свои мысли, и ваша подлинная природа берет верх, вы оживаетесь.

О-о. Значит, процесс этот начинает доставлять вам удовольствие?

На экране всплывает четвертый вопрос, и ваши пальцы побежали по клавиатуре. Поза у вас уверенная. Вы не суетитесь. Все это указывает на то, что в отношении затронутой темы вами владеют особенно сильные и совершенно определенные чувства.

Вы увидели, как жених вашей подруги за неделю до свадьбы целуется с другой женщиной. Вы ей расскажете об этом?

Я поступила бы следующим образом, печатаете вы. Подошла бы к нему и заявила, что у него есть 24 часа на то, чтобы самому ей признаться, иначе потом это сделаю я. Другое дело, если он со своими приятелями устроил мальчишник в стриптиз-клубе и сует двадцатку за набедренную повязку. Многие парни так делают – напоказ. В любом другом случае его поступку нет оправдания. И я не смогла бы отвести взгляд, притворившись, будто ничего не видела. Потому что если парень обманул тебя один раз, значит, он обманет снова.

Поставив точку, вы перестаете печатать, отсылаете ответ и ждете следующего вопроса.

А вопроса нет.

Проходит минута.

Все нормально? спрашиваете вы.

Проходит еще минута.

На экране формируется ответ: *Минутку, пожалуйста.*

Вы озадачены, но киваете.

Вы категоричны в своем суждении: по-видимому, считаете, что человек не способен изменить свою натуру, даже если его импульсы приводят к страданиям и разрушению.

Вы хмуритесь, и чуть сузившиеся глаза подчеркивают глубину вашей убежденности.

Потому что если парень обманул тебя один раз, значит, он обманет снова.

Вы ждете следующего вопроса. Но он еще не готов.

Ваши ответы неожиданно выстроились в связную цепочку: просто божественное откровение.

Значимые строки ваших прошлых ответов были проанализированы:

Я не настроена на длительные отношения, написали вы во время второго сеанса.

Вы оборачиваетесь и бросаете взгляд на часы, что висят на стене у вас за спиной, потом обращаете его на дверь. С какого ракурса на вас ни посмотри, вы обворожительны.

Надеюсь, ничего страшного, если я нарушу правила? Это вы написали перед тем, как признались, что участие в этом исследовании заставляет вас пересматривать свое отношение к собственным нравственным принципам.

Морща лоб, вы смотрите на монитор и рассеянно теребите серебряные колечки на указательном пальце. Одна из ваших привычек, когда вы о чем-то думаете или взволнованы.

Мне очень нужны деньги, написали вы во время первого сеанса.

Происходит нечто неординарное.

Как будто вы теперь направляете исследование в другое русло. Вы, молодая женщина, которой изначально здесь вовсе не должно было быть.

Вам заданы еще два вопроса. Они не имеют отношения к теме данного исследования, но об этом вы не узнаете.

Вы отвечаете на оба вопроса уверенно. Безукоризненно.

Последний вопрос, что вам будет задан сегодня, ни один другой респондент никогда не увидит.

Он предназначен исключительно для вас.

Когда этот вопрос появляется на мониторе, вы широко распахиваете глаза, взглядом бегая по экрану.

Дадите один ответ, и, покинув эту комнату, больше уже никогда не вернетесь.

Ответите иначе, и перед вами откроются безграничные возможности; не исключено, что вы станете пионером в области исследования психологии личности.

Я рискую, задавая этот вопрос.

Но вы того стоите.

Вы отвечаете не сразу. Отодвигаетесь на стуле и встаете.

Потом исчезаете из поля зрения.

Ваши шаги выстукивают дробь по застланному линолеумом полу. Вот вы снова в кадре, а потом опять скрываетесь из виду.

Расхаживаете по комнате.

Мы поменялись ролями: теперь мешкаете вы. Но именно вы решите, трансформируется ли этот эксперимент в нечто более выдающееся.

Вы возвращаетесь на свое место, всем телом подаетесь вперед, перечитывая вопрос. Ваш взгляд порхает по экрану.

Не хотели бы вы расширить рамки своего участия в этом исследовании? Вознаграждение было бы значительно выше, но и от вас потребуются значительно больше.

Вы медленно кладете руки на клавиатуру и начинаете печатать.

Я согласна.

Глава 9

24 ноября, суббота

Третий сеанс начинался как обычно: Бен, в свитере с V-образным вырезом, ждал меня в вестибюле. Пустой кабинет. На столе в первом ряду открыт ноутбук, на экране приветствие: *С возвращением вас, Респондент 52. Добро пожаловать.*

Я почти с радостью думала о том, как стану сегодня отвечать на вопросы доктора Шилдса, – наверно, меня прельщала возможность выплеснуть свои сумбурные чувства после визита к родителям.

Но к концу сеанса стало происходить нечто странное.

Сразу же после того как я ответила на вопрос о парне, изменяющем своей невесте, последовала длинная пауза, и тон беседы тоже изменился. Не могу сказать, как именно, но чувствовалось, что следующие два вопроса другого порядка. Я предполагала, что буду рассказывать о личных переживаниях и впечатлениях. Однако те последние вопросы были из разряда глобальных, философских, как на экзамене по гражданскому праву. С бухты-баряхты на них не ответишь, нужно подумать, хотя мне не пришлось залезать глубоко в свои мучительные воспоминания, как зачастую требовал от меня доктор Шилдс.

Наказание всегда должно быть соразмерно тяжести преступления?

И затем:

Жертвы вправе сами верить возмездие?

Напоследок мне было предложено принять непростое решение: хочу ли я продолжить участие в исследовании, но на более высоком уровне? *Но и от вас потребуется значительно больше*, написал мне доктор Шилдс. Это выглядело довольно зловеще.

Что имел в виду доктор Шилдс? Я попыталась выяснить. Его ответ высветился на экране моего компьютера, так же, как всегда появлялись вопросы. Он просто написал, что объяснит мне в следующую среду, если я встречу с ним лично.

В конце концов я пришла к выводу, что дополнительные деньги – слишком большой соблазн, грех от них отказываться.

И все же, идя домой, я продолжала ломать голову над тем, что он задумал.

Разумеется, совсем уж дурой я быть не собираюсь, убеждаю я себя. Пристегнув поводок к ошейнику Лео, я иду с ним к Ботаническому саду бБиСи. Это одно из моих любимых мест для прогулок в Алфавит-Сити, и там хорошо думается.

Доктор Шилдс пожелал встретиться со мной лично. И не в аудитории Нью-Йоркского университета, а совсем в другом месте. Велел мне подойти в восточную часть 62-й улицы.

Уж не знаю, офис у него там или квартира. Или что-то еще.

Лео рванулся на поводке, таща меня к своему любимому дереву. Я осознала, что стою на месте.

Я замечаю, что навстречу мне идет соседка со своим игрушечным пудельком. Быстро подношу к уху телефон, делая вид, будто увлечена беседой с кем-то, когда она проходит мимо. Мне сейчас не до пустой болтовни.

На слуху постоянно какие-то истории про молодых женщин, которых обманом завлекают в опасные ситуации; их лица мелькают на страницах «Нью-Йорк пост». И мне на телефон приходят предостережения, если в районе, где я живу, совершено тяжкое преступление.

Не то чтобы я не иду на обдуманый риск. По работе я каждый день бываю в чужих домах и незнакомых районах, да и к себе домой привожу парней, которых едва знаю.

Но здесь нечто другое.

Я никому не говорила про это исследование: доктор Шилдс велел молчать. Ему обо мне известно ужасно много, мне же о нем – практически ничего.

Хотя, пожалуй, есть способ узнать.

Мы только-только пришли в парк, но я тихонько дергаю за поводок, и мы с Лео возвращаемся домой, причем назад я иду быстрее, чем шла на прогулку.

Пора поменяться ролями. Попробую провести собственные изыскания.

* * *

Я открываю бутылку пива, беру свой ноутбук и сажусь на диван. Имени его я не знаю, но поиск в «Гугле» легко сузить, например, добавив к запросу «доктор Шилдс, Нью-Йорк» слова «исследования» и «психиатрия».

Сайт мгновенно выдает десятки ссылок. Первая – научная статья об этической двусмысленности в семейных отношениях. Что ж, подходит.

Мне необходимо увидеть фотографию человека, которому известна вся моя подноготная – от домашнего адреса до подробностей последнего свидания.

Я медлю в нерешительности.

Доктора Шилдса я воображала таким, каким хотела его видеть, – немолодым мужчиной, по-отечески мудрым, с добрыми глазами. Этот образ уже обрел столь четкие очертания, что мне трудно представить его другим.

Но дело в том, что свои фантазии я проецировала на голый холст.

Он может быть каким угодно.

Я щелкаю мышкой.

И, отпрянув от компьютера, резко втягиваю в себя воздух.

Первая мысль: ошиблась.

Экран в мозаичном порядке заполняют изображения.

Мой взгляд выхватывает то одно фото, то другое, то третье.

Я читаю подписи, ища подтверждение тому, что видят мои глаза. Потом, раскрыв рот, в ступоре смотрю на самую большую фотографию на экране.

Доктор Шилдс – вовсе не тучный профессор, внешне абсолютно не соответствует тому, что рисовало мне воображение.

Доктор Шилдс, доктор *Лидия* Шилдс – одна из прекраснейших женщин, что мне когда-либо доводилось видеть.

Наклонившись к экрану, я с жадностью разглядываю ее длинные белокурые волосы и кремовую кожу. Ей, наверно, под сорок. В ее точеных чертах сквозит сдержанная элегантность.

Трудно отвести взгляд от ее голубых глаз. Они завораживают.

Кажется, что даже с фотографии она видит меня.

Не знаю, почему я решила, что доктор Шилдс – мужчина. Оглядываясь назад, я сознаю, что Бен всегда называл ее только «доктор Шилдс». И то, что я составила о ней неверное представление, пожалуй, определенным образом характеризует меня.

Наконец я открываю одну из ее фотографий, в полный рост. Она стоит на сцене, в левой руке – микрофон. На пальце бриллиантовое кольцо, похоже на обручальное. Шелковая блузка, облегающая юбка, высоченные каблуки – я на таких даже до сцены бы не дошла, не говоря уже о том, чтобы выступить с речью. Шея у нее длинная и грациозная, и никакими средствами макияжа не создать такого контура скул, как у нее.

Эта женщина из другого мира, далекого от того, в котором обитаю я, – гоняясь за работой и лестью умасливая клиентов ради щедрых чаевых.

Я была уверена, что знаю человека, с которым переписываюсь. Я была уверена, что это мужчина – чуткий, способный сопереживать. Но теперь, когда выяснилось, что доктор Шилдс – женщина, я вынуждена переосмыслить все вопросы, что были мне заданы.

И все свои ответы.

Что это совершенство думает о моей бестолковой жизни?

У меня начинают гореть щеки: мне вспоминается, как я непринужденно писала об эротических танцах, набедренных повязках и мальчишнике в стриптиз-клубе, когда отвечала на вопрос о том, как поступила бы, увидев, что жених моей подруги целуется с другой женщиной. Грамматика моя не всегда была безупречна, я не стремилась красиво излагать свои мысли.

И все же она была добра ко мне. Заставляла меня рассказывать о том, о чем я никогда не говорю. Подбадривала меня.

Мои откровения ее не оттолкнули. Она снова пригласила меня. Пожелала встретиться со мной лично, напоминая я себе.

Я увеличиваю фотографию и впервые замечаю, что доктор Шилдс чуть улыбается, держа у губ микрофон.

Я по-прежнему немного нервничаю по поводу нашей с ней встречи в среду, но теперь по другой причине. Наверно, боюсь ее разочаровать.

Я уже собираюсь было захлопнуть ноутбук, но потом щелкаю мышкой по ссылке «новости» в результатах поиска. Хватаю свой телефон и принимаюсь вносить в него информацию. Адрес ее офиса, соответствующий тому, который она указала, назначая встречу на среду. Название книги, что она написала, и ее «альма матер» – Йельский университет.

Да, доктор Шилдс – женщина, но я не могу позволить, чтобы этот факт вынудил меня отступить от моего первоначального плана. Она платит мне бешеные деньги, и я пока понятия не имею, почему или за что.

Порой именно люди, которые кажутся идеальными и гармоничными, ранят особенно глубоко.

26 ноября, понедельник

Ее фотографии не солгали, и это показательно, учитывая, что от своих респондентов она требует правдивости.

Выяснить через Интернет расписание ее занятий в Нью-Йоркском университете не составило труда. Это была одна из первых ссылок, что выскочили на экране ноутбука в ответ на мой запрос. Доктор Шилдс ведет всего один семинар в неделю, по понедельникам с пяти до семи вечера. Ее аудитория находится неподалеку от кабинета № 214, на том же этаже. Сегодня здесь совсем другая атмосфера: в коридорах шумно, кругом народ.

Идя по коридору, доктор Шилдс поправляет на плечах серо-коричневый палантин, высвобождает из-под его складок свои сияющие волосы. Я в бейсболке и джинсах, как и десятки студентов, что спуют вокруг.

По ее приближению я затаиваю дыхание. Пристраиваюсь сзади за двумя девчонками, оживленно болтающими между собой, но доктор Шилдс намерена пройти мимо них. В последний момент я ныряю в уборную.

Спустя несколько секунд высовываю голову в дверь. Она идет к лестнице.

Я пропускаю ее вперед на десяток шагов, затем следом за ней выхожу из здания. Мой нос улавливает слабый аромат каких-то свежих пряных духов.

Невозможно отвести от нее взгляд.

Она словно скользит по улицам в некоем защитном прозрачном пузыре, в котором ее не тревожат ни силы природы, ни другие помехи: ветер не лохматит волосы, чулки ни за что не

цепляются, каблуки ни на что не натываются. Несколько мужчин, обернувшись, провожают ее взглядами; работник службы доставки убирает с ее пути свою тяжелую тележку.

Она сворачивает на Принс-стрит и идет мимо вереницы модных бутиков, в которых продаются кашемировые свитера по триста долларов и косметика в футлярах, похожих на драгоценные шкатулки.

Но она не смотрит на витрины. И в отличие от всех остальных вокруг, не болтает по телефону, не слушает музыку и вообще ни на что не отвлекается.

Дойдя до небольшого французского ресторана, она открывает дверь и исчезает внутри. Я останавливаюсь, не зная, как мне быть.

Мне хочется еще раз взглянуть на доктора Шилдс, ведь ее лицо я видела мельком. Но не могу же я стоять у ресторана и дожидаться, когда она поужинает. Это было бы странно.

Я уже собираюсь уйти, но тут замечаю, как метрдотель ведет ее к столику у окна. Нас с ней разделяет всего десяток шагов. Если она чуть повернет голову и поднимет глаза, наши взгляды встретятся.

Я быстро сдвигаюсь влево и делаю вид, будто читаю меню за стеклом с одной стороны от входа.

А сама краем глаза наблюдаю за ней.

К доктору Шилдс подходит официант, дает ей меню. Я смотрю на то, что висит передо мной. Будь у меня деньги на столь роскошное заведение, я выбрала бы бифштекс из вырезки в беарнском соусе с картофелем фри. Но доктор Шилдс, могу поспорить, закажет жареную рыбу-меч по-нищцки.

Она быстро переговорила с официантом, вернула ему меню. Кожа у нее до того светлая, что, омываемая сиянием свечи, в профиль она напоминает некое небесное существо. На ум сразу приходят роскошные товары в витринах, мимо которых мы проходили. Пожалуй, правильно, что ее посадили у окна: ее должны видеть все, она достойна восхищения.

Смеркается. У меня начинают неметь кончики пальцев, но я еще не готова уйти.

Я откровенничала перед доктором Шилдс, но теперь у меня самой к ней масса вопросов. И самый насущный: почему вас так интересует, какой выбор делают люди вроде меня?

Официант приносит ей бокал вина. Доктор Шилдс отпивает маленький глоток, и я отмечаю, что бургундское такого же цвета, как лак на ее длинных заостренных ногтях.

Она улыбается, кивает, но когда официант удаляется, кончиком пальца касается уголка глаза. Может быть, зачесалось, или она убрала налипшую на ресницы ворсинку от шарфа. Но вообще-то так смахивают слезу.

Она снова подносит бокал ко рту и на этот раз отпивает глоток побольше.

На том фото, где она с микрофоном, я точно видела у нее на пальце обручальное кольцо. Но сейчас я не могу сказать, есть ли на ней это кольцо, потому что левую руку она держит на коленях.

Я намеревалась еще немного задержаться у ресторана: хотела проверить, верна ли моя догадка насчет выбора блюда, которое заказала доктор Шилдс. Но теперь надеваю теплые наушники и иду на восток, к себе домой.

Доктору Шилдс я выложила о себе много тайн, но ведь по доброй воле. А она понятия не имеет, что я наблюдаю за ней в такой сокровенный момент. Пожалуй, я зашла слишком далеко, переступила черту.

Стул, что стоит напротив нее, сегодня будет пустовать: официант убрал со стола приборы на вторую персону, после того как доктор Шилдс вернула ему меню.

За столиком на двоих в романтическом ресторане доктор Шилдс будет ужинать в одиночестве.

Глава 10

28 ноября, среда

Вы входите в белое кирпичное здание в восточной части 62-й улицы и, как вам было указано, на лифте поднимаетесь на третий этаж. Звоните в дверь врачебного кабинета, вас выпускают.

Вы представляетесь, протягиваете руку. Рукопожатие у вас твердое, ладонь на ощупь холодная.

Большинство людей интригует личность человека, с которым они переписывались, но никогда не встречались. Им требуется некоторое время, чтобы скорректировать свое восприятие, соотнести придуманный образ с тем, что предстал перед их глазами.

Вы лишь на секунду устанавливаете со мной зрительный контакт и затем обводите взглядом комнату. Значит, вы проделали собственные изыскания?

Молодец, Респондент № 52.

Вы выше ростом, чем можно было ожидать, – где-то метр шестьдесят восемь, – но это единственный сюрприз. Вы разматываете с шеи синий шарф с бахромой, приглаживаете волосы – густую массу распущенных каштановых локонов. Потом снимаете пальто. Под ним у вас серый свитер с V-образным вырезом и зеленые брюки-карго.

К своему наряду вы добавили несколько штрихов: брюки закатаны до середины икры, ровно до верхней линии ваших кожаных ботильонов; свитер спереди заправлен в брюки, чтобы был виден красный плетеный ремень. В целом безвкусица полнейшая – и по сочетанию цветов, и по компоновке разнофактурных тканей. Но на вас это смотрится так, что хоть в модный блог выставляй.

Вам предложено сесть.

Ваш выбор места будет нести определенную информацию.

Для посетителей отведены два кожаных кресла и диванчик.

Большинство выбирают диванчик.

Если кто его и игнорирует, то это, как правило, мужчины, потому что, сидя в кресле, они подсознательно чувствуют себя хозяевами положения в непривычной для них обстановке. С точки зрения психологии, если выбор клиента пал на кресло, значит, ему некомфортно находиться здесь.

Вы минуете диванчик и устраиваетесь в кресле, но при этом не обнаруживаете признаков дискомфорта.

Это радует и не является полной неожиданностью.

Сев в кресло, вы оказываетесь строго напротив психотерапевта, лицом к лицу. Вы снова осматриваетесь, неторопливо, пытаясь сориентироваться. Кабинет практикующего психотерапевта должен создавать у пациента ощущение, что ему здесь рады, он защищен от всяких неприятностей и находится в полной безопасности. Если обстановка не располагающая, пациенту трудно расслабиться, и тогда добиться терапевтического эффекта будет гораздо сложнее.

Ваш взор скользит по картине с изображением синевато-стальных океанических волн, по свежесрезанным камелиям на упругих зеленых стеблях в овальной вазе. Вы ненадолго задерживаете взгляд на стеллаже с книгами, что стоит за столом. Вы наблюдательны, не упускаете ни одной детали.

Возможно, вы даже заметили, что здесь действует первое правило психотерапии: врач должен оставаться для пациента своего рода *tabula rasa*. Предметы, на которые падает ваш взгляд, не могут быть классифицированы как личные вещи. В кабинете нет семейных фотографий; нет ничего такого, что могло бы настроить на полемический лад, как, например, пред-

меты, выдающие политические убеждения или принадлежность к тому или иному общественному движению; и нет ничего кричащего вроде чехла фирмы «Эрмес» на подушке.

Второе правило: не судить пациентов. Роль психотерапевта – слушать, направлять, обнажать скрытые истины в жизни пациента.

Третье правило: пусть пациент сам решает, о чем говорить. Поэтому сеанс обычно начинается фразой: «Что сегодня привело вас сюда?». Но это не сеанс психотерапии, поэтому именно это правило нарушено. Вас не спрашивают, а благодарят за участие.

– Доктор Шилдс, – произносите вы, – прежде чем мы начнем, позвольте задать вам несколько вопросов?

Некоторые пациенты запинаятся, мямлят, не зная, какую форму обращения выбрать. Но вы, похоже, следуете протоколу на интуитивном уровне: хоть вы уже слишком много открыли о себе, границы должны быть соблюдены – пока. В конечном итоге и первые два правила, и еще немало других будут нарушены ради вас.

– Вы обещали объяснить, – продолжаете вы, – что подразумевается под расширением рамок моего участия в вашем исследовании... Так что это значит?

Проект, в котором вы участвуете, из сферы научного эксперимента переходит в область исследования морально-этических принципов в контексте реальной жизни, сказано вам.

Вы широко распахиваете глаза. От страха?

Процедура абсолютно безопасная, уверяют вас. Вы будете полностью контролировать ситуацию и сможете выйти из игры в любое время.

Вы вроде как успокаиваетесь.

Вам напоминают, что вознаграждение будет значительно выше.

Этот весомый аргумент еще больше подогревает вашу заинтересованность.

– Насколько выше? – уточняете вы.

Вы пытаетесь бежать впереди паровоза. Но на данном этапе исследования спешка неуместна. Прежде нужно заручиться доверием.

Вам объясняется, что следующим шагом должно стать определение исходной точки. Для этого вам придется ответить на ряд вопросов.

Если вы согласны, мы приступим немедленно.

– Конечно, – говорите вы. – Приступайте.

Тон у вас бесстрастный, но вы начинаете медленно потирать руки.

Отвечая на вопросы, вы рассказываете про свое детство в пригороде Филадельфии, про младшую сестру и ее черепно-мозговую травму, отразившуюся на ее умственных и физических способностях, про родителей, которым приходится трудиться день и ночь. Затем – о том, как вы перебрались в Нью-Йорк. При упоминании своего песика, которого вы взяли из приюта, взгляд ваш смягчается. Далее вы говорите о том, как торговали косметикой в универмаге «Блумингдейлз».

Отводите взгляд, медлите.

– Мне нравится ваш лак.

Уходите от ответа. Прежде к этой тактике вы не прибегали.

– Сама я на бордовый цвет никогда бы не решилась, но вам он идет.

Лесть. Типичное явление на сеансах психотерапии, когда клиент пытается юлить.

Практикующие психотерапевты научены воздерживаться от вынесения суждений своим пациентам. Они просто слушают, выуживая из рассказа информацию, которая пациенту уже известна, пусть даже на подсознательном уровне.

Однако вы пришли сюда не для того, чтобы копаться в своих чувствах или анализировать свои неразрешимые разногласия с матерью.

С вас ни цента не возьмут за этот сеанс, хотя другие, которым случается сидеть на вашем месте, платят по 425 долларов в час. Напротив, это вы получите более чем щедрое вознаграждение.

Каждый имеет свою цену. Вашу еще предстоит определить.

Вы смотрите на психотерапевта. Тщательно продуманный имидж делает свое дело. Это все, что вы видите. Это все, что вы когда-либо увидите.

Однако с вас сдерут даже кожу. В предстоящие недели вам понадобятся навыки и силы, о наличии которых в себе вы, возможно, и не подозреваете.

Но, судя по всему, вы готовы принять вызов.

Вы оказались здесь вопреки всем обстоятельствам. Вы проникли в проект обманом, без приглашения. Вы не обладаете характеристиками, сходными с данными тех женщин, которых отобрали для участия в опросе.

Но работа над первоначальным исследованием теперь отложена на неопределенный срок.

Вы, Респондент № 52 – мой единственный объект изучения.

Глава 11

30 ноября, пятница

Серебристый голос доктора Лидии Шилдс под стать ее холеной внешности.

Во время второй личной встречи в ее врачебном кабинете я сижу на диванчике. Как и на первом сеансе несколько дней назад, я просто рассказываю о себе.

Опираясь на подлокотник, я продолжаю один за другим обнажать слои лжи, которую говорила родителям:

– Они бы очень расстроились, узнав, что я отказалась от мечты работать в театре. Для них это было бы равносильно тому, что они изменили собственным устремлениям.

Прежде я никогда не посещала психотерапевта, но у меня создалось впечатление, что это типичное посещение врача. Непонятно только, почему *она* платит *мне*.

Но проходит несколько минут, и вот я уже полностью сосредоточена на женщине, что сидит напротив меня, и на своих тайнах, которыми я с ней делюсь.

Доктор Шилдс пристально смотрит на меня, выслушивая мой вопрос. Отвечает не сразу, словно обдумывает мои слова, тщательно их анализирует, решая, что сказать. Рядом с ней на приставном журнальном столике лежит блокнот, в котором она периодически делает какие-то заметки. Пишет она левой рукой: обручального кольца на ней нет.

Разведена или, может, вдова?

Я пытаюсь представить, что же она все-таки черкает в своем блокноте. На ее письменном столе лежит картонная папка, на ней – наклейка с печатной надписью. Слов я разобрать не могу – сижу слишком далеко. Может, это и моя фамилия.

Иногда, после того как я отвечу на очередной ее вопрос, доктор Шилдс просит меня рассказать поподробнее. Или дает меткие комментарии, причем в ее голосе звучит столько участия и доброты, что у меня на глаза наворачиваются слезы.

Мне кажется, что за короткий срок она научилась понимать меня лучше, чем кто-либо другой.

– Думаете, я плохо поступаю, обманывая родителей? – спрашиваю я.

Доктор Шилдс слушала меня, сидя нога на ногу, но теперь она поднимается со своего кремового кресла. Делает два шага ко мне, и я чувствую, как напрягаюсь всем телом.

У меня мелькает мысль, что она намерена сесть рядом со мной, но доктор Шилдс проходит мимо. Выворачивая шею, я наблюдаю, как она, нагнувшись, берет за ручку в нижней части белого деревянного книжного шкафа, открывает дверцу и лезет во встроенный мини-холодильник. Достав две маленькие бутылочки воды «Перье», одну она протягивает мне.

– Спасибо, не откажусь, – благодарю я.

Меня не мучила жажда, но когда я вижу, как доктор Шилдс, запрокинув голову, отпивает из бутылки глоток, моя рука, в которой я держу минералку, поднимается сама собой, и я тоже пью. Стекло бутылочки оседает в ладони комфортной тяжестью, а бодрящая газированная вода удивительно приятна на вкус.

Доктор Шилдс кладет ногу на ногу, и я, осознав, что ссутулилась, выпрямляю спину.

– Ваши мама с папой хотят, чтобы вы были счастливы, – говорит доктор Шилдс. – Как всякие любящие родители.

Я киваю, и вдруг у меня возникает вопрос: а у нее самой есть ребенок? На семейное положение указывает наличие или отсутствие обручального кольца, но такого символа, который можно было бы надеть, чтобы показать всему свету, что ты мать, не существует.

– Я знаю, что они меня любят, – произношу я. – Просто...

– Они соучастники вашей лжи, – комментирует доктор Шилдс.

Едва она произносит это, я сознаю, что в ее словах кроется непреложная истина. Доктор Шилдс права: мои родители фактически вынуждают меня лгать.

По-видимому, доктор Шилдс понимает, что мне нужно осмыслить это открытие. Она не сводит с меня глаз, и мне кажется, что взгляд у нее покровительственный, словно она пытается определить, как я восприняла ее вывод. Мы обе молчим, но эта затянувшаяся пауза меня не тяготит.

– Никогда не думала об этом в таком ключе, – наконец произношу я. – Но вы правы.

Я допиваю «Перье», аккуратно ставлю бутылку на журнальный столик.

– Пожалуй, на сегодня все, – говорит доктор Шилдс.

Она встает, я тоже. Она идет к стеклянному столу, на котором стоят небольшие часы, лежат тонкий ноутбук и папка.

Доктор Шилдс выдвигает один из ящиков стола и любопытствует:

– У вас есть какие-то планы на выходные?

– Ничего такого особенного. У Лиззи день рождения, поведу ее в ресторан, – отвечаю я.

Доктор Шилдс достает чековую книжку, берет ручку. На этой неделе она провела со мной два полуторачасовых сеанса, но я понятия не имею, сколько мне заплатят.

– Это та девушка, которой родители до сих пор высылают денежное пособие? – уточняет доктор Шилдс.

Слово «пособие» застало меня врасплох. Лица доктора Шилдс я не вижу, поскольку она наклонила голову, выписывая чек, но тон у нее мягкий: не похоже, что она критикует. К тому же, это правда.

– Пожалуй, можно и так выразиться, – соглашаюсь я.

Доктор Шилдс отрывает чек и вручает его мне.

– Спасибо, – произносим мы в один голос. И обе в унисон смеемся.

– Вы свободны во вторник, в это же время? – спрашивает доктор Шилдс.

Я киваю.

Мне страсть как хочется взглянуть на сумму в чеке, но, наверно, это было бы неприлично. Поэтому я сворачиваю его и убираю в сумку.

– И у меня еще кое-что для вас, – говорит доктор Шилдс. Она берет свою кожаную сумку «Прада» и извлекает из нее крошечный сверток в серебристой бумаге.

– Откройте.

Обычно я разрываю подарочную упаковку. Но сегодня лишь тяну за конец узенькой ленты, развязывая бантик. Затем указательным пальцем поддеваю скотч и стараюсь как можно аккуратнее вскрыть упаковку.

Это коробочка с логотипом «Шанель» – гладкая и блестящая.

В ней – флакончик бордового лака для ногтей.

Я резко вскидываю голову и смотрю в глаза доктору Шилдс. Потом – на ее ногти.

– Попробуйте, Джессика, – произносит она. – Думаю, вам подойдет.

* * *

Войдя в лифт, я в ту же секунду лезу в сумку за чеком. В нем грациозным курсивом выведено «шестьсот долларов».

Она платит мне двести долларов в час, даже больше, чем за участие в опросе по компьютеру.

Интересно, часто ли я буду нужна доктору Шилдс в следующем месяце? Сумею ли удивить родителей, подарив им поездку во Флориду? Или, может, поберегу деньги на тот случай, если папа не найдет приличную работу до того, как они истратят его выходное пособие?

Я убираю чек в бумажник, и мой взгляд падает на коробочку «Шанель» в сумке. Одно время я работала в отделе косметики в «Блумингдейлзе» и знаю, что такой лак для ногтей стоит около тридцати баксов.

Лиззи в ее день рождения я планировала просто пригласить в бар, но, пожалуй, этот лак ей придется по душе.

Попробуйте, предложила доктор Шилдс.

Я провожу пальцами по элегантной надписи на черной упаковке.

Родители моей лучшей подруги – люди вполне состоятельные, ежемесячно поддерживают ее деньгами. А Лиззи абсолютно непритязательна, и я, пока однажды на выходные не съездила вместе с подругой к ней домой, даже представить не могла, что «маленькая фермочка» их семьи – это угодня площадью в пару сотен акров. Она сама вполне может купить себе лак для ногтей, даже из модных дорогих брендов. А я этот заслужила.

* * *

Спустя несколько часов я вхожу в «Фойе», где мы должны встретиться с Лиззи. Сэнджей, нарезавший лимоны, поднимает голову и пальцем подманивает меня к себе.

– Тебя искал парень, с которым ты ушла на днях, – докладывает он, – то есть он искал девушку по имени Тейлор, но я понял, что он имел в виду тебя.

Рядом с кассой стоит большая пивная кружка с ручками, визитками и пачкой сигарет «Кэмел Лайтс». Порывшись в ней, он вытаскивает одну визитную карточку.

«Завтрак с утра до ночи» гласит надпись сверху. Под ней улыбающаяся рожица: вместо глаз два желтка от глазуньи, ртом служит полоска бекона. Ниже – имя Ноа и номер телефона.

– Он, что, повар? – хмурюсь я.

Сэнджей награждает меня притворно-суровым взглядом.

– Вы вообще говорили о чем-нибудь?

– Не о его профессии, – парирую я.

– По-моему, крутой парень, – замечает Сэнджей. – Открывает маленький ресторанчик в нескольких кварталах отсюда.

Я переворачиваю визитку и вижу записку: *Тейлор, для тебя готовы отменные гренки. Позвони – и они твои. Бесплатно.*

В бар входит Лиззи. Я соскакиваю с табурета и крепко обнимаю ее.

– С днем рождения, – поздравляю я, пряча в руке визитку.

Лиззи снимает куртку, и я улавливаю запах новой кожи. Ее куртка почти такая же, как у меня, Лиззи всегда ею восхищалась. Только свою я купила в комиссионке. Я щупаю меховой воротник и замечаю ярлычок: «Барнис».

– Мех искусственный, – заверяет меня Лиззи. Интересно, что она прочла в моем лице? – Родители подарили на день рождения.

– Роскошный подарок, – хвалю я.

Лиззи усаживается на табурет рядом со мной и кладет куртку на колени. Я заказываю нам водку с клюквенным соком и содовой.

– Как прошел День благодарения? – спрашивает Лиззи.

Мне уже кажется, что это было сто лет назад.

– Да как обычно: слишком много пирогов и футбола. Лучше расскажи, как ты праздник провела.

– Грандиозно, – отвечает она. – Прилетели буквально все, и мы всей гурьбой стали играть в шарады. С малышами ужасно весело. Представляешь, у меня теперь пять племянников и племянниц! Папа...

По приближении Сэнджея Лиззи резко умолкла. Он поставил перед нами напитки. Я придвинула к себе свой.

– Ты ведь не красишь ногти! – восклицает Лиззи. – Красивый цвет!

Я смотрю на свои пальцы. Кожа у меня темнее, чем у доктора Шилдс, и пальцы короче. На моих руках бордовый лак смотрится не элегантно, а вызывающе. Но она права: цвет красивый.

– Спасибо. Не была уверена, что мне подойдет.

Мы выпили еще по два бокала, и все это время болтали. Потом вдруг Лиззи трогает меня за руку.

– Слушай, сделаешь мне макияж во вторник после обеда? Мне нужно заново сфотографироваться.

– Ууф, у меня се... – я умолкаю на полуслове. – Работа. Ехать придется далеко.

Во время нашей первой личной встречи доктор Шилдс дала мне подписать еще один, более строгий, договор о неразглашении сведений. Я даже не вправе упомянуть ее имя Лиззи.

– Ладно, соображу что-нибудь, – беспечно бросает она. – Ну что, теперь начос?

Я киваю и озвучиваю заказ Сэнджею. Мне как-то не по себе от того, что я не могу помочь подруге.

И не по себе от того, что я вынуждена что-то скрывать от Лиззи, ведь лучше нее меня никто не знает.

Хотя, возможно, это уже не так.

Глава 12

4 декабря, вторник

Вы сомневались насчет бордового лака, однако сегодня он на ваших ногтях.

Еще один признак того, что вы проникаетесь доверием.

И вы опять выбрали диван.

Поначалу вы откидываетесь на спинку и заносите за голову руки; язык вашего тела указывает на то, что вы более раскрепощены.

Вы не считаете, что готовы к тому, что последует дальше. Но вы готовы.

Вас для этого натренировали. Эмоционально вы стали более выносливой – подобно тому, как постепенно в ходе планомерных тренировок становится более выносливым бегун на марафонскую дистанцию.

Вам заданы несколько формальных «разогревающих» вопросов о минувших выходных.

И затем: *Чтобы двинуться вперед, мы должны вернуться назад.*

Едва эти слова произнесены, вы резко меняете позу, опуская руки и обхватывая ими себя. Классическая защитная реакция.

Должно быть, вы уже поняли, что вас ждет.

Пришла пора преодолеть этот последний барьер.

Вам снова задан, на этот раз устно, мягко-настойчивым тоном, вопрос, от которого вы отпрянули во время самого первого, компьютерного, сеанса, что проводился в кабинете № 214:

Джессика, вы когда-нибудь умышленно причиняли боль тому, кто вам дорог?

Вы сворачиваетесь в себя, смотрите на свои ноги, пряча лицо.

Медлить с ответом не запрещено.

Потом:

Расскажите.

Вы вскидываете голову. Глаза у вас вытаращены. Внезапно вы кажетесь гораздо моложе своих двадцати восьми лет; будто в вашем облике на короткое мгновение проступили черты тринадцатилетнего подростка.

Именно в этом возрасте для вас все изменилось.

В судьбе каждого человека есть поворотные моменты – порой внезапные, порой как будто бы предопределенные, словно к этому все и шло, – которые формируют и в конечном итоге цементируют его жизненный путь.

Эти моменты, столь же уникальные для каждого конкретного человека, как цепочки ДНК, если они максимально благоприятны, то создают ощущение, будто, подброшенные катапультной, вы возносите к звездам. При другой крайности вам кажется, что вас засасывают зыбучие пески.

Тот день, когда вас оставили присматривать за младшей сестрой – и она выпала из окна второго этажа, – вероятно, стал для вас главной демаркационной линией.

Вы рассказываете о том, как кинулись к ее обмякшей фигурке, лежавшей перед домом на асфальте, а по вашему лицу текут слезы. Ваше дыхание учащается, вы захлебываетесь словами. Ваше тело, и ваш ум, проваливаются в некую эмоциональную бездну. Вы выдавливаете из себя еще одно мучительное предложение – *Это все по моей вине* – и больше уже не в состоянии сдерживать дрожь: вас всю трясет.

Вас бережно укутывают кашемировым палантинном, разглаживают его на плечах, и это возымеет успокаивающий эффект.

Вы делаете судорожный вдох.

Вам говорят то, что вы хотите услышать:

Вы не виноваты.

Вам еще есть, чем поделиться, но на сегодня достаточно. Вы на грани изнеможения.

Ваши усилия достойны похвалы, и вы ее получаете. Не каждому хватает смелости заглянуть в лицо своим демонам.

Слушая, вы рассеянно поглаживаете серо-коричневый шерстяной палантин, укрывающий ваши плечи. Это – самоуспокоение, признак того, что вы приходите в себя. Новый, более мягкий ритм разговора переносит вас на более устойчивую почву.

Ваше дыхание выравнивается, щеки больше не пылают. Вам ненавязчиво намекают, что сеанс подошел к концу.

Спасибо, благодарят вас.

Затем небольшая награда:

На улице холодно. Оставьте себе палантин.

Вы направляетесь к двери и у самого выхода чувствуете, как чужая рука на мгновение чуть сдавливает ваше плечо. Подбадривающий жест. Жест, выражающий одобрение.

С высоты третьего этажа видно, как вы выходите из здания. Медлите на тротуаре. Потом обматываетесь палантином, как шарфом, один конец перекидывая через плечо.

* * *

Вас больше нет в кабинете, но отпечаток вашего пребывания сохраняется здесь до конца дня, на протяжении всего сеанса с последним пациентом, который, как ему и было назначено, явился через двадцать минут после вашего ухода. Сосредоточиться, чтобы помочь ему избавиться от игромании, сегодня труднее, чем обычно.

Мысли о вас не отпускают и в такси, петляющем по запруженным транспортом дорогам Среднего Манхэттена, и в супермаркете органических продуктов, пока кассир выбивает чек за один медальон говяжьей вырезки и семь стеблей белой спаржи.

Откровенность дается вам нелегко, и в то же время вы жаждете ощутить облегчение, которое нередко наступает после того, как поделишься каким-то секретом.

Обычно люди поворачиваются к окружающим своей непримечательной стороной, и это нормально; традиционно социальное взаимодействие подразумевает, главным образом, пустые разговоры. Когда один индивид доверяет другому настолько, что обнажает перед ним свое подлинное «я» – свои глубочайшие страхи и сокровенные желания, – между ними рождается тесная близость.

Сегодня вы сблизились со мной, Джессика.

Ваш секрет останется в тайне, – если все пойдет хорошо.

Входная дверь дома отперта, бумажный пакет из супермаркета перемещается на белую мраморную столешницу.

Потом я снимаю новый серо-бежевый палантин, купленный всего за несколько часов до начала сеанса с вами – в кабинете он был убран с ваших глаз, лежал во встроенном шкафу, – аккуратно складываю его и кладу на боковую полку в гардеробной.

Глава 13

4 декабря, вторник

На улице промозгло и серо. За то короткое время, что я находилась во врачебном кабинете доктора Шилдс, солнце опустилось за горизонт.

Жаль, что вместо относительно легкой кожаной куртки я не надела более теплое полупальто, хотя палантин доктора Шилдс уютно греет грудь и шею. Шерсть источает слабый аромат свежих пряных духов, который у меня теперь ассоциируется с доктором Шилдс. Я глубоко вдыхаю его, пикантный запах щекочет мне ноздри.

Я стою на тротуаре, не зная, как мне быть. Я опустошена, но дома, если я пойду сейчас туда, вряд ли сумею расслабиться. Мне не хочется быть одной, однако идея позвонить Лиззи или кому-то еще из знакомых и предложить поужинать или выпить вместе меня не привлекает.

Еще до того как я сознаю, что приняла решение, ноги сами срываются с места и несут меня к метро. По Шестой линии я доезжаю до «Астор-плейс», выхожу из метро и сворачиваю на запад, на Принс-стрит.

Иду мимо витрин, в которых выставлены модные солнцезащитные очки и косметика в футлярах, похожих на драгоценные шкатулки. И вот я у того самого французского ресторана.

На этот раз я вхожу.

Еще достаточно рано, в зале почти пусто. Лишь одну кабинку в глубине занимает какая-то парочка.

Метрдотель забирает у меня куртку, но палантин я оставляю.

– Столик на одного? – спрашивает он. – Или вы предпочли бы посидеть у бара?

– Вообще-то, если вы не против, я села бы за вон тот, у окна.

Он подводит меня к столику, и я занимаю стул, на котором сидела доктор Шилдс на прошлой неделе, когда я следила за ней.

Винная карта – толстая увесистая многостраничная папка. Одних только красных вин, что продают по бокалу, с десяток вариантов.

– Это, пожалуйста, – говорю я официанту, заказывая почти самое дешевое вино. Оно стоит 21 доллар за бокал, и это значит, что дома ужинать я буду бутербродом с арахисовым маслом.

Если бы не доктор Шилдс, я никогда бы не узнала о существовании этого ресторана. Но сейчас это именно то, что мне нужно. Спокойное элегантное заведение – и не тесное. Стены, обшитые панелями из темного дерева, и стулья с бархатистой обивкой создают атмосферу уюта и незыблемости.

Здесь можно сохранять анонимность, но при этом не чувствовать себя одинокой.

К моему столику возвращается официант. На нем черный костюм, на руке балансирует поднос с бокалом вина.

– Ваше «Кот дю Рон», мисс, – он ставит передо мной бокал.

Я осознаю, что официант ждет, когда я одобрю вино. Я отпиваю маленький глоток и киваю, как это делала доктор Шилдс. Бургундское точно такого цвета, как лак на моих ногтях.

Официант удаляется, и я обращаю взгляд в окно, наблюдая за прохожими. От вина в горле теплеет. Оно не чрезмерно сладкое, как то, что пьет мама, и удивительно приятное на вкус. Напряжение уходит из моих плеч, я откидываюсь на кресле, утопая в его бархатистой коже.

Доктору Шилдс наконец-то известна моя тайна, в которую я не посвятила даже Лиззи. Мое умышленное небрежение разрушило жизнь каждого в нашей семье.

Я сидела на диванчике в кабинете доктора Шилдс, смотрела на умиротворяющие синие волны, изображенные на картине, что висела на стене, и выплескивала свою затаенную боль.

Тем летом, пока родители были на работе, Бекки оставалась под моей опекой. В один из августовских дней, ближе к вечеру, я решила сгонять в супермаркет на углу, где можно было купить дешевые карамельки и журнал «Seventeen». Недавно в продажу поступил новый номер, с Джулией Стайлз на обложке.

Я устала от Бекки, мне хотелось немного отдохнуть от своей семилетней сестренки. Весь месяц стояла жара, тот день тоже выдался знойным и тянулся нестерпимо медленно. За последние несколько часов мы чем только не занимались: бегали между включенными дождевателями; делали фруктовое мороженое: заливали лимонад в лотки для льда и вставляли в них зубочистки; ловили жуков на заднем дворе и устраивали для них домики в старом пластиковом контейнере. И все равно до прихода родителей оставалось еще часа два, не меньше.

– Мне скучно, – захныкала Бекки, появляясь в ванной, где я, стоя перед зеркалом, выщипывала себе брови. Мне казалось, что с правой бровью я перестаралась, и теперь у меня чудное смешное выражение.

– Иди поиграй с кукольным домиком, – сказала я, сосредоточив внимание на левой брови. Мне было тринадцать, и меня крайне заботила моя внешность.

– Не хочу.

В доме стояла духота, поскольку у нас было всего два оконных кондиционера. Мне и самой не верилось, что я с нетерпением жду начала нового учебного года.

– Кто такой Кит Франклин? – крикнула через несколько минут Бекки.

– Бекки! – взвизгнула я. Бросив щипчики, я помчалась в свою комнату. – Это не для чужих глаз! – Я выхватила у нее из рук свой дневник.

– Мне скучно, – опять заныла она.

– Ладно, можешь посмотреть телевизор в комнате родителей, – сказала я сестре. – Только маме с папой не проболтайся.

Родители разрешали смотреть телевизор не больше часа в день, но мы это правило регулярно нарушали.

В тот далекий день я выложила на одноразовую тарелку три галеты с шоколадом и отнесла их Бекки. Она уже разлеглась на кровати родителей.

– Не сори, – наказала я ей.

На экране Лиззи Магуайер ругала подругу за то, что та ее передразнивает. Я дождалась, когда на лице Бекки появится увлеченное выражение, на цыпочках вышла из дома и вскочила на велосипед. Бекки не любила оставаться одна, но я знала, что моего недолгого отсутствия она даже не заметит.

Прежде я уже поступала так несколько раз.

На всякий случай я заперла дверь в спальню, чтобы Бекки не могла оттуда выйти. Думала, что таким образом уберегу ее от беды. Не подумала только закрыть окно на втором этаже, которое находилось буквально в нескольких шагах от того места, где она лежала и смотрела телевизор.

Дойдя до этой части рассказа, я оторвала взгляд от картины на стене в кабинете доктора Шилдс. Говорить было трудно, я плакала навзрыд. Не знала, смогу ли продолжать.

Доктор Шилдс смотрела на меня. Сострадание в ее взгляде словно придало мне силы. Я выдавила те ужасные слова.

Потом я почувствовала, как меня вдруг обволокло что-то теплое и мягкое.

Доктор Шилдс сняла с себя палантин и укутала им мои плечи. Казалось, он все еще хранит тепло ее тела.

Я сознаю, что и теперь, сидя в ресторане, рассеянно поглаживаю пушистую ткань.

Поступок доктора Шилдс я восприняла как оберегающий, почти материнский жест. В то же мгновение я почувствовала, как напряжение уходит из моих рук и ног. Она словно вытащила меня из ужаса прошлого в настоящее.

Вы не виноваты, сказала она.

Я допиваю вино, слушая классическую музыку, что льется из динамиков, а сама думаю, что она не могла бы подобрать более верных слов, которые успокоили бы меня. Если доктор Шилдс – мудрая искушенная женщина, занимающаяся изучением темы нравственного выбора, – сумела понять и оправдать меня, значит, может быть, и мои родители смогли бы.

Только им не все известно про тот день.

Мама с папой никогда не спрашивали, где находилась я, когда Бекки выпала из окна. Они просто решили, что я была дома в другой комнате.

Специально я им не лгала. Но был один момент, в больнице, когда я могла бы сказать правду. Пока врачи занимались Бекки, мы с родителями ждали в приемной отделения экстренной помощи.

– Ох, Бекки, Бекки. Зачем же ты играла у этого окна? – горестно недоумевала мама.

Я посмотрела в покрасневшие от слез, полные страдания глаза родителей и промолчала.

Я не знала, что та моя недомолвка с каждым годом будет расти и шириться.

Не знала, что то упущенное мгновение воздвигнет непреодолимый барьер между мной и моими родными.

Но доктор Шилдс теперь знает.

Я замечаю, что вожу пальцем по краю пустого бокала и убираю со стола руки. Ко мне подходит официант.

– Еще вина, мисс? – спрашивает он.

Я качаю головой.

Мой следующий сеанс у доктора Шилдс состоится через два дня.

Интересно, она снова будет расспрашивать меня о том происшествии, или я рассказала ей достаточно?

Я лезу в сумку за кошельком, и рука моя цепенеет.

Для чего достаточно?

Еще минуту назад я испытывала облегчение от того, что доктор Шилдс владеет информацией, которую я скрываю от родных вот уже пятнадцать лет, но теперь эта мысль не несет утешения. Возможно, профессионализм и красота доктора Шилдс ослепили меня и притупили мой инстинкт самосохранения.

Я почти забыла, что я всего лишь Респондент № 52, подопытный кролик в ее исследовательской работе. Мне платят за то, чтобы я делилась своими самыми сокровенными секретами.

Что она планирует сделать со всей этой частной информацией, которую я ей выдала? Я подписывала соглашение о конфиденциальности, а она – нет.

Официант возвращается к моему столику, я расстегиваю кошелек. И вижу яркую голубую визитку, которую сунула между купюрами.

Несколько секунд я смотрю на нее и затем медленно вынимаю из кошелька.

«Завтрак с утра до вечера», гласит надпись на лицевой стороне.

Я вспоминаю, как проснулась на диване Ноа и увидела, что меня заботливо укрыли одеялом.

Переворачиваю визитку. Ее острый уголок царапает мою ладонь.

«Тейлор», – начеркал Ноа крупным квадратным почерком.

Я бросаю взгляд на его записку, в которой он предлагает угостить меня гренками.

Но я не поэтому смотрю на визитку.

Внезапно я понимаю, каким образом можно больше узнать о докторе Шилдс.

Глава 14

4 декабря, вторник

Вишневые нотки «Пино Нуар» растопили ощущение ледящей ободранности, которое оставила поездка домой.

Подрумяненный ломтик говяжьего филе и запеченная на гриле спаржа выложены на фарфоровую тарелку, по сторонам от которой лежат тяжелые серебряные столовые приборы. Звучит фортепианная музыка Шопена. Это единственное блюдо я несу на один конец прямоугольного стола из полированного дуба.

Прежде ужины здесь выглядели по-другому. Их готовили на шестиконфорочной плите «Викинг» и украшали веточками свежего розмарина или листьями базилика, которые выщипывали в ящичке на подоконнике.

Обеденный стол предназначен для двух персон.

Протокол психологического исследования отложен; сегодня вечером невозможно вникнуть в смысл убористо написанных слов.

Стул по другую сторону стола, где некогда сидел мой муж Томас, остается незанятым.

* * *

Все, кто знакомился с Томасом, проникались к нему симпатией.

Он появился однажды вечером, когда свет, помигав, погас и здание погрузилось в темноту.

К тому времени прошло всего несколько минут, с тех пор как последний пациент, мужчина по имени Хью, покинул мой кабинет. Люди обращаются к психотерапевтам по разным причинам, но его мне так и осталась неясна. Хью производил впечатление весьма странного человека – и внешне, и по своим привычкам: у него были резкие черты лица, он вел бродячий образ жизни.

Несмотря на свою непоседливость, он был зациклен на вещах, о которых рассказал раньше.

Выдворить его из кабинета было нелегко: он всегда требовал, чтобы сеанс продлился дольше.

А попрощавшись, он никогда не уходил сразу: топтался за дверью пару минут, и только потом слышались его удаляющиеся шаги. После ухода Хью его едкий запах еще долго висел в приемной – напоминание о том, что он там задержался.

Поэтому в тот вечер, когда весь дом окутал мрак – погасли даже внешние огни, за окнами, – естественно было предположить, что к этому причастен Хью.

В темноте проявляются худшие качества человеческой природы.

А Хью на том приеме было сказано, что сеансы психотерапии нужно прекратить.

Где-то вдалеке завывали сирены. Шумы и отсутствие освещения создавали дезориентирующую атмосферу.

Теперь, чтобы выйти из здания, нужно было спуститься по лестнице. Часы показывали семь – довольно позднее время, все остальные офисы уже позакрывались.

Люди в этом доме жили, но их квартиры находились на четвертом-шестом этажах.

Единственным источником света на лестнице являлся экран моего телефона, единственным источником звука – цокот моих каблучков.

И вдруг откуда-то сверху стала спускаться вторая пара шагов, более тяжелых.

Меня охватил ужас: участилось сердцебиение, закружилась голова, грудь сдавило от боли.

Упражнения на дыхание помогают только в тех случаях, если нет приступа паники.

А я была в панике.

Светящийся экран моего телефона возвестит о моем присутствии. Бежать в полнейшей темноте опасно – можно упасть. Но риск был оправдан.

– Привет? – раздался низкий мужской голос.

Он принадлежал не Хью.

– Что случилось? Должно быть, электричество отключили, – продолжал мужчина. – С вами все хорошо?

Его дружелюбие и внимательность действовали успокаивающе. Весь следующий час, пока мы добирались до моей квартиры, он не отходил от меня ни на шаг.

В судьбе каждого человека есть поворотные моменты, которые формируют и в конечном итоге цементируют его жизненный путь.

Материализация Томаса стала одной из таких определяющих встрясок.

Через неделю после отключения электричества мы с ним пошли ужинать в ресторан.

Через полгода мы с ним поженились.

Все, кто знакомился с Томасом, проникались к нему симпатией.

Но влюбиться в него суждено было только мне.

Глава 15

4 декабря, вторник

В моем распоряжении меньше двух суток, чтобы найти Тейлор.

Она – единственная ниточка, связующая меня с доктором Шилдс. Если я сумею отыскать Тейлор до следующего сеанса у доктора Шилдс, назначенного на пять часов вечера во вторник, мне не придется идти туда вслепую.

Покинув французский ресторан, я нахожу в своем телефоне номер Тейлор и пишу ей эсэмэску: «Тейлор, это Джесс из «БьютиБазз». Перезвоните мне, пожалуйста. Это срочно».

По возвращении домой я хватаю свой ноутбук и пытаюсь выудить дополнительную информацию о докторе Шилдс. Поисковая программа на мои запросы выдает только научные статьи, рецензии на ее книги, четырехстрочную биографию, размещенную Нью-Йоркским университетом, и сайт ее частного врачебного кабинета. Страничка элегантная, эстетичная, как ее кабинет, – и такая же безликая, не содержащая ни единой зацепки, которая могла бы дать представление о личности этой женщины.

Наконец после полуночи, положив рядом телефон, я проваливаюсь в сон.

* * *

6 декабря, среда

Я просыпаюсь в шесть утра. Веки тяжелые после беспокойной ночи. Тейлор так и не ответила. Я не удивлена. Наверно, она сочла странным, что ее разыскивает какой-то визажист.

Осталось тридцать пять часов, думаю я.

Сегодня у меня плотный график, и, как бы мне ни хотелось отказаться от выезда по заявкам и продолжить поиски ответов, я должна отработать заказы. Мало того что мне нужны деньги, в соответствии с требованиями «БьютиБазз» визажисты обязаны за сутки уведомлять администрацию о невыходе на работу. Три нарушения за три месяца, и ты вычеркнут из их списка. Одно у меня уже есть: несколько недель назад я позвонила и сказалась больной.

Словно на автопилоте я накладываю основу, смешиваю тени, очерчиваю линии губ. Расспрашиваю клиентов про их профессиональные занятия, про мужей и детей, а сама думаю о докторе Шилдс. Особенно о том, как мало я знаю ее лично, тем более если учесть, что сама доверила ей свои самые потаенные секреты.

И все время слушаю свой телефон, который убрал в сумку. Попрошавшись с очередной клиенткой, я тотчас достаю его, проверяю, что на экране. Примерно в полдень Тейлор я отправила еще одно сообщение – на этот раз на голосовую почту, – но ответа пока так и не получила.

В семь вечера я еду домой на такси. За это придется заплатить все мои чаевые, полученные от нескольких последних клиентов. Разорительно, но так быстрее. Я бросаю у двери чемоданчик и, поторапливая Лео, выгуливаю его на улице, угощаю лакомствами и спешу назад.

Потом почти бегом устремляюсь прямо к дому, где живет Тейлор, – кварталах в двадцати от меня. Добираюсь туда почти в восемь. Запыхавшаяся, я опираюсь рукой о стекло, за которым находится список жильцов, просматриваю список фамилий.

Звоню в квартиру, в которой живет Т. Штрауб, и жду, когда из домофона раздастся ее голос. Пытаясь отдышаться, ладонью приглаживаю волосы.

Снова жму на черную кнопку звонка, на этот раз целых пять секунд.

Ну же, давай.

Я отступаю на несколько шагов и смотрю на здание. Как мне теперь быть? Не могу же я вечно торчать у подъезда в надежде, что Тейлор рано или поздно вернется. Долго еще я буду периодически тыкать в звонок, на тот случай, если она вдруг прикорнула или в наушниках слушает музыку?

Помощь приходит в лице потного парня в спортивном костюме «Адидас». Он набирает дверной код и снова утыкается в свой телефон, даже не замечая, что я успела поймать дверь до того, как она закрылась, и скользнула в подъезд вслед за ним.

Я пешком поднимаюсь на шестой этаж, дохожу до середины коридора и, остановившись перед квартирой Тейлор, настойчиво, до боли в костяшках пальцев, стучу в дверь.

Мне никто не открывает.

Я прижимаюсь ухом к тонкой деревянной панели и прислушиваюсь. Может, уловлю какие-то звуки, указывающие на то, что она дома: ор телевизора или гудение фена. Тишина.

К горлу подкатывает тошнота. Меня пугает, что доктор Шилдс изучила меня слишком хорошо и при встрече я не сумею замаскировать свое беспокойство. Мне отчаянно хочется спросить ее: «За что вы мне столько платите? Как вы намерены поступить с той информацией, которую я вам сообщаю?»

Но я не могу. Убеждаю себя, это потому, что я не хочу рисковать: боюсь потерять этот доход. На самом деле, возможно, я боюсь рисковать, чтобы не потерять доктора Шилдс.

Я начинаю стучать кулаком, пока из соседней двери не высовывается голова женщины, которая сверлит меня сердитым взглядом.

– Простите, – кротко извиняюсь я. Она закрывает дверь.

Я пытаюсь придумать, как мне быть. До сеанса двадцать один час. Но завтра, как и сегодня, у меня полно клиентов, и я не успею вернуться сюда до назначенной встречи с доктором Шилдс. Порывшись в сумке, я вытаскиваю номер «Вог», который ношу с собой, вырываю из него глянцевую страницу. Нахожу ручку и пишу: «Тейлор, это опять Джесс, из «БьютиБазз». Пожалуйста, позвоните мне. Это срочно».

Уже собираюсь подsunуть записку под дверь и вдруг вспоминаю бардак в квартире Тейлор, разбросанные всюду пустые упаковки из-под попкорна и предметы одежды. Не исключено, что Тейлор даже не обратит внимания на записку. А если и обратит, возможно, все равно не свяжется со мной. Ведь на мои прежние сообщения она не откликнулась.

Я смотрю на дверь соседки, которую только что потревожила. Делаю несколько шагов в сторону и робко стучу. У женщины, открывшей мне дверь, в руке желтый хайлайтер, которым она уже мазнула по середине подбородка, разделив его надвое. Вид у нее недовольный.

– Простите, я ищу Тейлор или... – Я судорожно вспоминаю имя ее соседки по квартире, и мне это удается: – Или Мэнди.

Женщина моргает, во взгляде – недоумение. Меня охватывает дурное предчувствие: сейчас она скажет, что не знает таких, что девушки с такими именами никогда не жили с ней по соседству.

– Кого? – переспрашивает она.

У меня замирает сердце.

Потом ее лоб разглаживается.

– Ах, ну да... не знаю. Экзамены на носу. Может, в библиотеке. Хотя эту парочку скорее уж надо искать на какой-нибудь вечеринке.

Она закрывает дверь у меня перед носом.

Я жду, когда пройдет головокружение, затем иду к лестнице. Выйдя на улицу, стою в темноте перед домом, пытаюсь решить, что мне делать дальше.

Мимо идет какая-то девушка с длинными прямыми волосами. Я сразу понимаю, что это не Тейлор, но все равно оборачиваюсь и смотрю ей вслед. Поправив на плечах синий рюкзак, она продолжает шагать по тротуару.

Мой взгляд прикован к ее тяжелому на вид рюкзаку. *Экзамены на носу*, сказала соседка. Ее мнение о Тейлор и Мэнди совпадает с моим: эти две девицы к учебе относятся несерьезно.

Трудно представить, чтобы томная молодая женщина с завидной костной структурой лица, постоянно что-то печатающая в «Инстаграме», корпела над учебниками.

Хотя разве не бывает так, что самые ленивые студенты перед экзаменами занимаются усерднее остальных?

Я бросаю взгляд вокруг, чтобы сориентироваться, и затем иду к библиотеке Нью-Йоркского университета.

* * *

Зал со стеллажами напоминает лабиринт, по которому бегают лабораторные крысы. Я начинаю поиски от одного угла. Иду по узким проходам, надеюсь, что вот сейчас сверну за очередной поворот и увижу, как Тейлор достает книгу с высокой полки или сидит за одним из столов у стены. Я обошла три этажа и поднялась на четвертый.

Я перевозбуждена, и это придает мне силы, гонит вперед – а ведь уже почти девять вечера, и я за целый день съела, еще в обед, всего один сэндвич: проглотила по дороге от одной клиентки к другой. На этом этаже народу гораздо меньше, хотя стеллажи с книгами такие же высокие. Если на первых трех до меня доносились тихие разговоры, то здесь я слышу только собственные шаги.

Я нахожусь между стеллажами где-то в середине зала и вдруг, сворачивая за угол, едва не налетаю на парня с девушкой, которые страстно целуются. Они и не думают разжимать объятия. Я их обхожу.

Потом слышу знакомый голос, который протяжным хныкающим тоном произносит:
– Тей, давай прервемся. Я хочу чай латте.

Меня охватывает облегчение, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не кинуться бегом на голос Мэнди.

Девушек я нахожу в углу зала. Мэнди стоит, навалившись на край стола с высокими стопками книг и ноутбуком, Тейлор сидит на стуле. У обеих волосы искусно собраны в небрежные пучки, на обеих – свитера фирмы «Juicy Couture».

– Тейлор!

Ее имя срывается с моих губ почти как вскрик.

Девушки оборачиваются ко мне. Мэнди морщит нос. На лице Тейлор озадаченное выражение.

– Вы что-то хотели? – спрашивает она.

Тейлор меня не помнит.

Я подхожу ближе.

– Это я, Джесс.

– Джесс? – вторит Мэнди.

– Визажист, – напоминаю я. – Из «БьютиБазз».

Тейлор окидывает меня взглядом. На мне все еще моя рабочая униформа, но рубашка вылезла из брюк, и я чувствую, как пряди, выбившиеся из низкого пучка на голове, щекочут шею.

– Что вы здесь делаете? – любопытствует она.

– Мне нужно с вами поговорить.

– *Потише!* – шикает на нас кто-то с одного из дальних столов.

– Пожалуйста. Это очень важно, – шепотом умоляю я.

Возможно, Тейлор поняла, что я в отчаянии. Кивнув, она убирает в сумку ноутбук, но книги оставляет на столе. На лифте мы спускаемся в вестибюль. Мэнди плетется за нами следом. У выхода Тейлор останавливается и спрашивает:

– Так в чем дело?

Теперь, наконец-то отыскав ее, я не знаю, с чего начать.

– Помните, когда я делала вам макияж, вы упомянули про тестирование?

– Вроде бы, – пожимает она плечами.

Несколько недель миновало с того дня, когда я, без спроса взяв телефон Тейлор, прослушала оставленное ей голосовое сообщение. Сейчас я пытаюсь вспомнить, что мне тогда было известно.

– То, что проводила преподаватель Нью-Йоркского университета, на тему нравственности. За него платили большие деньги. Оно было назначено вам на следующее утро...

Тейлор кивает.

– Ну да, точно. Но я отменила свой визит. Очень тогда устала.

Я делаю глубокий вдох.

– В общем... в итоге я пошла на него.

В глазах Тейлор появляется настороженность. Она отступает от меня на шаг.

Мэнди издает тихий горловой звук.

– Ничего себе, – присвистывает она.

– Да. Понимаете, я пытаюсь чуть больше узнать о преподавателе. – Я стараюсь говорить ровно, глядя на Тейлор.

– Я ее не знаю. Про тестирование мне сказала одна моя подруга. Она как раз изучает психологию. Пойдем, Мэнди.

– Подождите, прошу вас! – пронзительно вскрикиваю я и, смягчив тон, добавляю: – Мне хотелось бы побеседовать с вашей подругой, можно?

Тейлор несколько секунд смотрит на меня оценивающе. Я силюсь улыбаться, но знаю, что это выглядит неестественно.

– Это запутанная история, и мне не хотелось бы надоедать вам подробностями, – говорю я. – Но если угодно, я могла бы объяснить...

Тейлор скидывает ладонь.

– Просто позвоните Эми.

Эти девушки не любят, чтобы им докучали. Слава богу, что я вовремя вспомнила об этом и избрала верную тактику.

Тейлор смотрит в свой телефон и затем называет мне номер. Я торопливо набираю его на своем экране.

– Повторите, пожалуйста, – прошу я. Мэнди, я абсолютно уверена, закатывает глаза, но Тейлор выполняет мою просьбу, на этот раз медленнее диктуя последовательность цифр.

– Спасибо! – вдогонку благодарю я ее.

Девушки еще не успели свернуть за угол, а я уже звоню Эми.

Та отвечает после второго вызова.

* * *

– Она – классный препод, – рассказывает Эми. – Я посещала ее курс в прошлом году. Оценивает строго, но справедливо... Все соки из тебя выжимает. По-моему, только двое из наших получили у нее пятерки, и меня среди них не было, – смеется она. – Ну, что еще? У нее шикарные шмотки. За такие туфли, как на ней, я убить готова.

Эми в такси едет в аэропорт Ла-Гуардия, спешит на 90-летие своей бабушки.

– Вы знали, что она проводит исследование? – спрашиваю я.

– Конечно, – отвечает Эми. – Я в нем участвовала.

Мои вопросы не вызывают у нее подозрения, – наверно, потому, что я дала понять, будто Тейлор и моя подруга.

– Вообще-то, как-то странно это было. Она ведь наверняка знала, как меня зовут, – я же при регистрации давала свои данные, – но обращалась ко мне не по имени, а как-то... как же?

Эми медлит.

У меня перехватывает дыхание.

– Респондент № 16, – наконец вспоминает Эми. У меня по коже бегут мурашки. – Я запомнила, потому что моему брату столько лет, – добавляет она.

– О чем она тебя спрашивала? – как бы невзначай интересуюсь я.

– Подождите-ка, – я слышу, как Эми говорит что-то таксисту. Потом – шуршание, стук багажника.

– Мм... был один вопрос о том, пишу ли я ложные данные, заполняя какой-нибудь медицинский бланк: много ли я пью, какой у меня вес, много ли у меня было сексуальных партнеров и все такое. Я запомнила, потому что совсем недавно я проходила медосмотр, и тогда я дала ложные ответы на все такие вопросы!

Она смеется, а я хмурюсь.

– Все, я приехала в аэропорт. Мне пора, – говорит Эми.

– Вы к ней лично приходили на тестирование? – не раздумывая, спрашиваю я.

– Что? А, нет, только по компьютеру ответила на несколько вопросов, – говорит Эми.

Я с трудом разбираю ее слова, которые заглушают шумы аэропорта – крики, гвалт, объявление по громкой связи о том, чтобы пассажиры не оставляли без присмотра свой багаж.

– Ладно. Мне нужно регистрироваться. Здесь такой хаос.

– Вы никогда не бывали в ее врачебном кабинете на 62-й улице? – допытываюсь я. – А другие респонденты?

– Не знаю. Может, кто и бывал, – отвечает она. – А что, это было бы круто! Наверно, там полный отпад.

У меня есть еще вопросы, но я понимаю, что вот-вот потеряю Эми.

– Можно попросить вас об одолжении? – говорю я. – Если вдруг вспомните что-то необычное, позвоните мне, пожалуйста, ладно?

– Да, хорошо, – соглашается Эми, но как-то рассеянно. Услышала ли она вообще мою просьбу?

Я прощаюсь, чувствуя, как в груди отпускает.

По крайней мере, на свой самый важный вопрос ответ я получила. Доктор Шилдс – профи: она не просто преподаватель – она весьма уважаемый преподаватель. Она не заслужила бы такую репутацию, если бы занималась чем-то сомнительным.

Непонятно, отчего я так взбудоражена. Наверно, оттого что голодна и устала, да еще терзает беспокойство за родных. 30 ноября у папы последний рабочий день. Его выходное пособие составит четырехмесячное жалование. Деньги у них кончатся еще до того, как «Филлис»⁴ сыграют первую игру в сезоне.

Сворачивая на свою улицу, я чувствую, что предельно изнурена. Голова гудит, а в теле ощущаются одновременно тяжесть и неумность.

Шагая мимо «Фойе», я заглядываю в большие окна. До меня доносится тихая музыка, у бильярда столпилась группа парней.

Я осознаю, что высматриваю Ноа.

⁴ «Филадельфия Филлис» (Philadelphia Phillies) – бейсбольный клуб Филадельфии, выступающий в Главной лиге бейсбола (MLB). Бейсбольный сезон в США начинается в феврал-марте.

Вытаскиваю из сумки его визитку и, не раздумывая, пишу ему сообщение: «Привет, шла мимо «Фойе» и вспомнила тебя. Твое предложение насчет завтрака еще в силе?»

Он не ответил мгновенно, поэтому я иду дальше.

Можно и в другой бар заскочить, размышляю я. Неподалеку «Атлас», и обычно в это время там уже полно народу, даже в будни. Я могла бы зайти туда, сесть у барной стойки, заказать бокальчик, ну а там будь что будет. Я не раз так делала, когда напряжение было слишком велико и нужно было как-то отключиться от проблем.

Поскольку спа-салон я не могу себе позволить, а наркотики я не принимаю, для меня это единственный способ расслабиться. Я не часто на это иду, – хотя последний раз, когда мне пришлось отвечать своему врачу, сколько сексуальных партнеров у меня было, я солгала, прямо как Эми.

Я подхожу к «Атласу». Из кафе несется ритмичная музыка, у стойки бара – столпотворение.

Но потом я представляю, как сижу на диванчике в кабинете доктора Шилдс и рассказываю про проведенный вечер. Она знает, что иногда я так делаю; я писала об этом на компьютерном тестировании. Но делиться подробностями о своем одноразовом свидании, глядя ей в глаза, было бы унижительно. Готова поспорить, что сама она никогда, даже до замужества, не вступала в случайные связи – я уверена в этом на все сто.

По-видимому, доктор Шилдс разглядела во мне нечто особенное, хотя сама я особенной чувствую себя нечасто.

Я прохожу мимо.

Не хочу ее разочаровывать.

Глава 16

5 декабря, среда

Легко судить других. Мать, что орет на своего ребенка в магазине, катя тележку с упаковками сухих завтраков и печенья «Орео». Водителя за рулем дорогой машины, подрезавшего не столь быстрый автомобиль. Мужа, изменяющего жене... и жену, которая стремится его вернуть.

А если б вы знали, что неверный муж из кожи вон лезет, чтобы помириться? Клянется, что это был единичный случай и такого больше не повторится?

А если бы вы оказались этой самой обманутой женой, которая жизни не мыслит без него?

В сердечных делах ум не помощник.

Томас пленил мое сердце сотнями разных способов. Для гравировки на обручальных кольцах мы выбрали надпись, которая напоминала о нашей первой встрече во время отключения электричества. Она наиболее точно выражала чувство, которое невозможно описать словами: *Ты – мой истинный свет.*

Его отсутствие в доме ощущается всюду. В гостиной, где он обычно лежал на диване, разбросав рядом на полу газетные полосы со спортивной рубрикой. В кухне, где он всегда программировал кофеварку накануне вечером, чтобы утром, к тому времени, как мы встаем, кофе уже был готов. В спальне, где его теплое тело поглощало холод ночи.

Когда брак разрушает элементарное предательство, это не остается без последствий для организма. Типичные физические реакции – бессонница, потеря аппетита, постоянное беспокойство, неослабное, как биение сердца. *Чем она его приворожила?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.